

Святые братья
КИРИЛЛ и МЕФОДИЙ
просветители славян

А.-Э. Н. Тахиаос

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Московская Духовная Академия
Учебный комитет при Священном Синоде
Русской Православной Церкви

СВЯТЫЕ БРАТЬЯ
КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ
ПРОСВЕТИТЕЛИ
СЛАВЯН

АНТОНИЙ-ЭМИЛИЙ Н. ТАХИАОС

Сергиев Посад
2005

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II*

*Рекомендовано Учебным комитетом Русской Православной
Церкви для библиотек духовных учебных заведений*

Перевод с новогреческого языка
иеромонаха Дионисия (Шленова),
иеромонаха Леонтия (Козлова),
игумена Тихона (Зайцева), С. Кима
Под редакцией иеромонаха Дионисия (Шленова), В. Л. Шленова

На передней стороне обложки: икона свв. Кирилла и Мефодия
из ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, XX в.

© А.-Э. Н. Тахиаос, 2005
© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005
Макет, оформление
© Греческий кабинет при МДАиС, 2005
Перевод, подготовка дополнительных
материалов, указатели

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	4
Сокращения	7
Введение	9
<i>Глава 1.</i> Юные годы в городе Фессалоники	11
<i>Глава 2.</i> Дальнейшая судьба солунских братьев	34
<i>Глава 3.</i> В безмолвии горы Олимп	51
<i>Глава 4.</i> Новая миссия	60
<i>Глава 5.</i> Подготовка к славянской миссии	81
<i>Глава 6.</i> Миссия в Великой Моравии и Паннонии	113
<i>Глава 7.</i> Мефодий — архиепископ славян	136
<i>Глава 8.</i> Деятельность учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии	155
<i>Глава 9.</i> Судьба наследия Кирилла и Мефодия	179
<i>Глава 10.</i> Почитание святых Кирилла и Мефодия	210
Библиографическая заметка	230
<i>Приложения</i>	
Краткая биография А.-Э. Н. Тахиаоса	241
Библиография трудов А.-Э. Н. Тахиаоса	244
Пространные, или так называемые Паннонские, жития святых Кирилла и Мефодия в переводе П. А. Лаврова	256
1. Житие святого Кирилла	256
2. Житие святого Мефодия	298
3. Житие Климента, епископа Болгарского	314
4. Житие и перенесение мощей святого Климента	355
Жизнь и труды П. А. Лаврова	364
Библиография трудов П. А. Лаврова	369
Литература о П. А. Лаврове	371
Географический указатель	372
Именной указатель	374
1. Исторические лица	377
2. Писатели, ученые, церковные деятели новейшего времени	383
Фотоматериалы	385

Предисловие к русскому изданию

Выход в свет русского перевода книги вызывает у автора особую радость, поскольку событие это, несомненно, глубоко символично и знаменует укрепление той неразрывной духовной связи, которая существует между Россией и Фессалониками — родиной святых братьев. Великое дело просвещения славянских народов началось с города, в котором родились святые Кирилл и Мефодий и где была написана настоящая книга. Дело их осуществилось в России, можно сказать, в наиболее законченном и совершенном виде. Именно там, на просторах великой и бескрайней славянской страны, наследие святых Кирилла и Мефодия воспринято было во всей полноте, глубоко усвоилось на протяжении столетий и принесло плоды сторицею. Народная память признательно хранит воспоминание о городе, который произвел на свет этих великих достопамятных мужей. Совсем не случайно, что отмечаемое в житиях святых братьев особое почитание святого Димитрия Солунского никогда не было забыто на Руси, утвердившись в церковном сознании русских людей, сразу же после приобщения их к христианству.

Роль солунских братьев Константина-Кирилла и Мефодия в деле просвещения славянских народов состоит прежде всего в том, что своими трудами они заложили незыблемый фундамент только еще зарождавшейся тогда и обретавшей свою письменность культуры славянского мира. Создание святым Кириллом азбуки и, главным образом, перевод священных книг на старославянский, ставший с тех пор языком книжным, привели к возникновению в Восточной Европе многовековой культурной и духовной традиции. Новая письменность продолжает оставаться неотъемлемой частью жизни большинства славянских народов, благодаря ей они научились выражать в согласии со складом своего характера идеи, мысли и чувства.

Дело святых Константина-Кирилла и Мефодия всегда будет находиться в средоточии внимания народов, которые при вступлении на путь исторической жизни были облагодетельствованы ими. Как уже было сказано, особое место среди этих народов занимает народ русский. Российское государство, с самого момента своего приобщения к православной вере, восприняло ту культурную традицию, носителями которой были святые фессалоникийские братья. Несмотря на немалые трудности и невзгоды, выпавшие на его долю, Российское государство существует непрерывно уже более десяти веков. За это время наследие святых Кирилла и Мефодия не только прочно вошло в сознание русского народа, но и никогда не прекращало творчески развиваться, поистине восходить от силы в силу. Все это нашло выражение в духовной культуре народа, повлияло на формирование и развитие самого русского языка. И думается, что нет никаких преувеличений в словах выдающегося исследователя наследия святых Кирилла и Мефодия П.А. Лаврова: «Едва ли какой другой народ славянский воспринял кирилло-мефодиевское наследие в такой степени, как русские с принятием христианства от греков при посредстве всего богатства начальной славянской письменности и ее продолженного расцвета в Болгарии... Кирилло-мефодиевской письменности суждено было сыграть объединяющую почти все славянство роль. Мы, русские, особенно прочно обогатились элементами церковнославянского языка, потому что, приняв его как книжный язык, неразрывно его сплотили с родным в своем литературном языке, и нет другого славянского языка, в котором бы в настоящее время оставалось столько элементов старославянских, как в нашем»¹. Тот факт, что древнейшие рукописные тексты житий святых Кирилла и Мефодия сохранились только в русском изводе, указывает не только на то, что кирилло-мефодиевское наследие с давних веков укоренилось в русском народе, благодарно хранившем память своих просветителей, но также свидетельствует о первостепенной роли, которую сама Россия сыграла в сохранении наследия святых

¹ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. II–III. (Далее: Лавров П.А. Материалы.)

братьев. Русский народ глубоко, всею душою воспринял их вдохновенную проповедь.

Настоящая книга ставит своей целью познакомить читателя с жизнью и трудами фессалоникийских братьев. В ней обзорно рассматриваются все периоды их жизни, но в центре внимания остается их деятельность на поприще просвещения славянских народов, достигшая мирового значения и масштаба. Следует отметить, что последние серьезные монографии о святых Константине-Кирилле и Мефодии были написаны сорок, а то и больше, лет тому назад. Хотя многие из них и не утратили до сих пор своей научной ценности, тем не менее нередко вопросы, обсуждавшиеся в них, в настоящее время больше не актуальны. Хотелось бы дать читателю по возможности обстоятельно познакомиться с подходами, суждениями и выводами современной науки.

В заключение не могу не выразить особую признательность заведующему Греческим кабинетом при МДАиС иеромонаху Дионисию (Шленову) за его постоянное участие в подготовке этой книги к изданию, и всем помогавшим ему переводчикам и редакторам, а также директору издательства Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Алипию (Кастальскому-Бороздину), осуществившему данное издание на высоком уровне.

Если настоящая книга даст импульс к дальнейшему и более глубокому изучению наследия святых Кирилла и Мефодия, это будет для автора наилучшей наградой.

А.-Э. Н. Тахиаос

Сокращения

- БТ=Богословские труды. М., 1959–.
- ВВ=Византийский временник. СПб.; Пг.; Л., 1894–1928. М. 1947–.
- ДАН СССР=Доклады Академии наук СССР. Москва, 1922–1931. Новая серия. 1933–.
- ЖМНП=Журнал Министерства народного просвещения. СПб.; Пг. 1834–1917.
- ИАН СССР=Известия Академии наук СССР.
- ИОРЯС=Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.; Пг.; Л., 1896–1927.
- И по РЯС=Известия по русскому языку и словесности. Л. 1928–1930.
- ИРАИК=Известия Русского археологического института в Константинополе. Одесса, 1896–1912.
- ИРАН=Известия Российской Академии наук. СПб., 1815–1823, 1828.
- Константин-Кирил Философ=Константин-Кирил Философ. Доклады от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969.
- Международен симпозиум=Международен Симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методии. Т. I–II. София, 1989.
- РФВ=Русский филологический вестник. Варшава, 1879–1915; М., 1916; Пг., 1917.
- СОРЯС=Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.; Пг.; Л., 1872–1928.
- ТОДРЛ=Труды Отдела древнерусской литературы. Л.; СПб., 1934–.
- Чтения ОИДР=Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1845–1848.
- AB=Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1882–.
- ASPh=Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1876–1929.
- BHG=Bibliotheca hagiographica Graeca.
- BZ=Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1892–.
- BS=Byzantinoslavica. Praha, 1929–.
- CM=Cyrrilomethodianum. Thessalonique, 1971–.
- CMA=Cyrrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863–1963. Cologne-Graz, 1964.
- DOP=Dumbarton Oaks Papers. Cambridge, Mass., 1941–.
- EO=Echos d'Orient. Paris, 1897–1940/1942.
- КМЕ=Kirilo-Metodievaska Enciklopedija / Editor-in-chief *P. Dinekov*, Editors *L. Graševa*, *S. Nikolova*, I–II. Sofia, 1985, 1995.

KMS=Kirilo-Methodievski studii.

Κυρίλλω καὶ Μεθόδιω=Κυρίλλω καὶ Μεθόδιω Τόμος ἑξήτιος ἐπὶ τῇ χιλιοστῇ καὶ ἑκατοστῇ ἐτηρίδι. Ἑπιμελεία Ἰ.Ε. Ἀναστασίου. 1-2. Θεσσαλονίκη, 1966, 1968.

Leben und Werk=Leben und Werk der Byzantinischen Slavenapostel Methodios und Kyrillos. Beiträge eines Symposions der Griechischdeutschen Initiative Würzburg im Wasserschloß Mitwitz vom 25-27 Juli 1985 zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Methodios. Herausgegeben von Evangelos Konstantinou (Münsterschwarzach, 1991).

Legacy=The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow // Proceedings of the International Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity. Thessaloniki, November 26-28, 1988 / Edited by A.-E. N. Tachiaos. Thessalonica, 1992.

MMFH=Magnae Moraviae Fontes Historici.

ODB=The Oxford Dictionary of Byzantium. V. 1-3. New York, Oxford, 1991.

PG=Patrologia graeca. T. 1-161. Parisii, 1857-1866.

PL=Patrologia latina. T. 1-225. Parisii, 1844-1864.

REB=Revue des études byzantines. Paris, 1943-.

RES=Revue des études slaves. Paris, 1921-.

Symposium Methodianum=Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method. Herausgegeben von Klaus Trost, Ekkehard Völkl, Erwin Wedel. Neuried, 1988.

WSJ=Wien slavistischer Jahrbuch. Wien, 1950-.

Введение

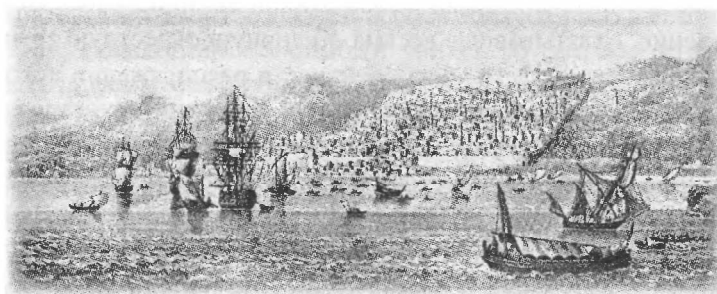
Девятое столетие было временем великих и весьма значительных перемен как в самой могущественной Византийской империи, так и в странах, окружавших ее. Именно к середине этого века наконец завершился период иконоборческих споров, который оказывал пагубное воздействие на духовную жизнь Византии и внес глубокое разделение в умы и сердца. После окончательного осуждения иконоборчества в 843 г. началась совершенно новая эпоха, исполненная веяниями воссоздания и оживления как в духовной и культурной жизни, так и в устройении государства. Империя вновь собрала воедино свои силы, и перед ней открылись новые перспективы, благоприятствовавшие продолжению той вселенской политики, основы которой были твердо заложены еще при Юстиниане. Без какого-либо особого ущерба от внутренних неурядиц, возникавших время от времени, Византия уверенно продолжила свое восхождение, все более пристально сосредоточивая внимание на внешних проблемах и переменах, имевших место в ее непосредственном окружении.

Нельзя недооценить огромного значения этих перемен. Арабы все обширнее и основательнее распространяли свое владычество на Ближнем Востоке и на северном побережье Африки и, завоевав Испанию, вышли к Атлантическому океану. Они непрестанно укрепляли свое общее положение, создавая независимые эмираты и халифаты. Франкское государство временно набрало силу благодаря поглощению немецких и итальянских графств, но лишь для того, чтобы вскоре распасться на три отдельные части. Государство болгар также расширялось, подчиняя своей власти все большее число славянских племен, с которыми, тем временем, продолжали ассимилироваться тюрки-болгары. Именно в этом веке появилось в Европе и первое сильное и в достаточной мере сложившееся славянское государство Великая Моравия. В то же самое время на востоке Европы образовались древнерусские княжества. Болгария

очень быстро становилась славянской державой. Сами славяне — то как пастушеские захватнические племена, делавшие набеги на Византийскую империю, то как подданные зарождавшихся государств — стали для Константинополя постоянной проблемой, тая все более возрастающую угрозу для него и требуя по отношению к себе постоянного, неусыпного внимания.

Хотя на протяжении веков византийцы не отделяли славян принципиально от прочих варваров, вторгавшихся в империю, а решение вопросов, связанных с их появлением и водворением на имперских землях, подлежало ведению внутреннего управления, однако после обретения ими государственности, в них стали видеть субъект внешней политики и дипломатии. Рано или поздно им также надлежало войти в сферу культурного и духовного влияния Византии и вступить в число государств, приобщившихся образованности и культуре просвещенных народов.

Исполнить это великое дело, которому суждено было иметь серьезнейшие последствия и существенно повлиять на историю всей Европы, были призваны два брата из прославленного города Фессалоники — Константин-Кирилл и Мефодий. Просвещение славян, быть может, важнейшее свершение IX в., неразрывно связано с изобретением славянского письма и с приобщением славян к культурному достоянию греческой образованности и духовной жизни. И осуществилось оно в результате деятельности двух солунских братьев, ставших для славянских народов апостолами и учителями.

Глава 1

Юные годы в городе Фессалоники

Братья Кирилл и Мефодий родились в Фессалониках в многодетной семье, всего в ней было семь братьев и сестер. Имя Кирилл дано было Константину всего за несколько дней до смерти, при его монашеском постриге. Константин, самый младший, родился около 826 или 827 г.¹ Хотя не известно, каким по счету был Мефодий в ряду детей, он, несомненно, был старше Константина и родился около 815 г.² Мы не знаем также, было ли имя Мефодий крещальным или данным ему при пострижении в монашество. Отец братьев, Лев, был *друнгарием*, то есть занимал достаточно высокую должность в военно-административной иерархии, в подчинении у него была тысяча воинов³. В конце VIII или в начале

Подпись к илл.: Фессалоники. Вид с моря. Литография нач. XIX в.

¹ Дата рождения Кирилла исчисляется исходя из даты его кончины в 869 г. в возрасте 42 лет. См.: Житие Кирилла, гл. 18.

² Grivec F. Konstantin und Method Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960. P. 20.

³ Самой лучшей работой, посвященной уяснению значения должности *друнгария*, которую занимал отец святых братьев, остается исследование И. Шевченко (Ševčenko I. On the Social Background of Cyril and Methodius // Studia Palaeoslovenica. Prague, 1971. P. 342–351). В новейшем издании этой статьи (включенной в сборник трудов: Byzantium and the Slavs in Letters and Culture. Cambridge, MA-Napls, 1991. P. 479–492) И. Шевченко сделал некоторые частные исправления и дополнения (P. 735–738), он несколько смягчил прежнее утверждение, что звание друнгария

IX в. была учреждена *фема* Фессалоники, административное подразделение, охватывавшее весьма обширную окрестную территорию¹. Правителем фемы был *стратег*, в распоряжении которого состояли *турмарх*, *друнгарий* и *комес*. Хотя чин друнгария и не предполагал непременно лицо высокого происхождения — но, конечно, и не исключал — источники вполне ясно и уверенно сообщают о происхождении Константина и Мефодия из знатной семьи. В славянском житии Константина говорится, что их отец Лев был «богатого и славного рода» (ДѢВРРѢДНѢ Н БѢГАТЪ)², и в житии Мефодия, также славянском, подчеркивается, что «был же он с обеих сторон не из худого рода, но доброго и бывшего в чести» (БѢ ЖЕ РѢДА НЕ ХУДА ѿ БѢНДУ, НЪ БѢЛМН ДѢРА Н ЫСТЪНА)³. Свидетельства этих источников о благородном происхождении братьев подтверждаются и другими частными подробностями, упоминаемыми в житиях, например, что внешний облик Мефодия являл человека утонченного, а их семья была хорошо известна во всей окрестности Фессалоник. Следует особо отметить упоминание о том, что семью друнгария Льва знал и сам император. Дальнейший жизненный путь солунских братьев вполне подтверждает достоверность этих свидетельств.

Как члены семьи, занимавшей выдающееся место в общественной жизни Фессалоник, два брата обладали возможностью находиться в кругу людей отличавшихся высоким уровнем культуры и образованности. С самых ранних лет Константин тянулся к книжному знанию и к высшим идеалам жизни. Составитель его жития весьма возвышенно и наглядно представляет устремления юноши. Он прибегает к одному месту из известной церемонии

вовсе не предполагало знатного происхождения. Оно, несомненно, противоречит сведениям, содержащимся в известных нам источниках, о статусе семьи солунских братьев. Ср.: *Tachiaos A.-E. Some Controversial Points Relating to the Life and Activity of Cyril and Methodius // CM XVII–XVIII. 1993–1994. P. 41–46*, где обсуждаются утверждения И. Шевченко.

¹ Θεοχαρίδης Γ. 'Ιστορία τῆς Μακεδονίας κατὰ τοὺς μέσους χρόνους (285–1354). Θεσσαλονίκη, 1980. Σ. 220–223 (Μακεδονικὴ βιβλιοθήκη 55).

² Житие Кирилла, гл. 2. Лавров. Материалы. С. 2 (слав. текст, здесь и далее); Флоря. Сказания. С. 71 (рус. перевод, здесь и далее).

³ Житие Мефодия, гл. 2. Лавров. Материалы. С. 70; Флоря. Сказания. С. 96.

императорского двора и дает ей особое толкование. Согласно его рассказу, семилетний Константин увидел во сне, как стратег и правитель фемы Фессалоники собрал всех девиц города и, представив их ему, предложил избрать себе невесту по своему усмотрению. Константин после того, как взглянул на всех, обратил внимание на самую прекрасную, «с сияющим ликом, украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всей красотой, имя же ее было София (в пер. с греческого “премудрость”»)¹, именно ее он и избрал. Избрание невесты наследником императорского двора из числа самых прекрасных и достойных девиц византийского общества, специально для этой цели собранных во дворец, было своеобразным конкурсом красоты восточного происхождения. В Византии эта церемония была введена в VIII в., а в IX в. уже стала принятым обычаем. Составитель жития Константина, описывая эту дворцовую церемонию, особо отметил, что невестой была избрана не просто прекрасная девушка, как поступали наследники императоров, но сама премудрость, а она рождалась в гармоничном согласии знания и добродетели. Еще за много веков до того великий римский ритор и писатель Цицерон говорил, что «первой из всех добродетелей является та, которую греки называют премудростью»². Итак, именно с премудростью намеревался юный Константин сочетать свою жизнь.

В эпоху Константина и Мефодия в византийских городах не существовало школ в нынешнем понимании этого слова. Детям состоятельных родителей преподавали учителя или грамматики, занимавшиеся с учениками в домашних условиях. Таким образом, как правило, школами становились дома учителей³. Составитель жития Константина сообщает нам, что родители послали его изучать начальные предметы, и младший сын *друнгария* очень быстро превзошел всех соучеников, отличаясь сильной памятью и сообразительностью. Предметы, которым обыкновенно учили

¹ Житие Кирилла, гл. 3. *Флоря*. Сказания. С. 72. Также см.: *Dvornik F.* Les légendes de Cyrille et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933. P. 19–22 и *Treadgold W.* The Bride-Shows of the Byzantine Emperors // *Byzantion* 49. 1979. P. 395–413.

² *Princepsque omnium virtutum est illa sapientia, quam σοφία Graeci vocant. Cicero. De officiis* 1, 153:8–10.

³ *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. Paris, 1971. P. 242–266.

Святой Димитрий благословляет приходящих к нему детей.
Вполне возможно, что таким же образом к его иконе приводили
сыновей друнгария Льва

поначалу, были: грамматика, поэтика и риторика. По словам жития, Константин повстречал в Фессалониках некоего заезжего учителя грамматики и стал с жаром упрашивать, молить принять его в ученики, однако тот отказался. Юного Константина эта неудача повергла в скорбь, его желание приобрести основательные знания могло исполниться только впоследствии, когда он отправился на учебу в Константинополь. Из упомянутого случая видно, как непросто было отыскать в те времена хорошего учителя грамматики. Тем не менее, насколько можно судить далее по житию, Константин вовсе не был лишен того общего образования, кото-

рое можно было получить в Фессалониках. При незаурядных способностях, которыми он обладал, следует полагать, что он вошел в разряд «избранных», или «надзирающих», то есть отличившихся учеников, учитель позволял им вести занятия или упражнения со своими соучениками¹. Особые способности обнаружились у Константина к поэтическому искусству. Он много занимался стихосложением, в частности, написал прекрасную эпиграмму, посвященную великому церковному писателю и поэту IV в. святителю Григорию Богослову. Это сочинение его дошло до нас в славянском переводе². Оно неоспоримо свидетельствует не только о способности к сочинению собственных поэтических произведений, но и о том, что ему с легкостью удавалось вникать в довольно трудные как по языку, так и по содержанию стихотворения великого каппадокийца. Уже по одному этому можно судить о достаточно высоком уровне общего образования, которое получали византийские ученики в то время.

Наряду с усвоением греческой образованности в доме учителя замечательным детям друнгария Льва доступны были и знания иного рода. Они ведь жили в «богохранимом и славном Фессалоникийцев великом граде», где мало-помалу знакомились со всеми животрепещущими проблемами, стоявшими тогда перед империей. Фессалоники сами по себе были превосходной школой — вторым по значению, после Константинополя, имперским городом, воспринявшим влияние различных исторических эпох. Они

¹ Lemerle. Le premier humanism byzantin. P. 250–252.

² Об этом стихотворении и общие сведения о знании Константином-Кириллом творений св. Григория Богослова см.: Trubetzkoy N. S. Ein altkirchenslavisches Gedicht // Zeitschrift für slavische Philologie XI. 1934. S. 52–54; Якобсон P. Стихотворные цитаты в великоморавской агиографии // Slavistična Revija X. 1957. С. 113; его же. Похвалы Константина Философа Григорию Богослову // Slovo. 1970. № 3. С. 334–361; Dujčev I. Constantino Filosofo nella storia della letteratura byzantina // Studi in onore di E. Lo Gatto e G. Maver. Firenze, 1962. P. 205–222; Grivec. Konstantin und Method. S. 20–23; Špidlik T. L'Influence de Grégoire de Nazianze sur Constantine-Cyrille et sur la spiritualité slave // Legacy. P. 41–55. Языковая структура этого славянского стихотворения выдает греческий прототип, что подтверждается его переложением на греческий язык, которое осуществил И. Дуйчев в вышеуказанной статье. То же относится ко многим другим отрывкам в житии Кирилла, и это, естественно, усиливает возможность предположения, что первоначально оно было написано на греческом языке.

по праву почитались западными вратами Византии, оком ее, обращенным к «западным областям», к огромной, остававшейся подвластной ей территории, простиравшейся от македонской столицы до Сирмия и Далматии, одним словом, охватывавшей всю Иллирию. Фессалоники находились на пути, соединявшем старый Рим с новым, с Константинополем. До 732 г. они в церков-

Западные ворота Фессалоник. Славяне, мирно жившие в пригороде, входили через них в город, когда им требовалось продать или приобрести товары. Эстамп начала XIX в.

ном отношении подчинялись Риму¹. Внутри стен этого древнего города культурная жизнь продолжала существовать и развиваться на протяжении столетий. Традиции, заложенные в древности, получив начало во времена прославленных македонских царей и продолжаясь непрерывно в эллинистические и римские времена, донесли до последующих поколений воспоминания и мудрость греков и римлян, сплавившиеся воедино благодаря христианству.

¹ О церковном статусе города и о «Фессалоникийском викариате» см.: *Θεοχαρίτης. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας*. Σ. 103–125, где приводится обширная библиография.

Живыми свидетелями этих традиций, символами, выдержавшими все испытания времени, были величественные городские памятники. Наследие древности, наряду с историческими событиями, происходившими за пределами города, стало для Константина и Мефодия настоящей школой, хотя и совсем иного рода.

Легко представить себе двух сыновей Льва, которые гуляют по улицам славных Фессалоник и увлеченно стремятся узнать как можно больше об истории своего города и его окрестностей. Вот они посещают церкви и общественные здания, проходят под воротами, пересекают открытые площади, окруженные величественными памятниками, или поднимаются по тропинкам Акрополя, у подножия которого простирался весь город, вплоть до самой стены, воздвигнутой со стороны моря. В родном их городе живо ощущалась величественная торжественность прекрасных храмов, но более всего храма Святого великомученика Димитрия Мирото-

Святой Димитрий Солунский. Фрагмент мозаики, на которой святой Димитрий изображен стоящим в полный рост с копьем и щитом с надписью: «Святой Димитрий». Мозаика была создана ок. 1108 г. и первоначально находилась в церкви Архангела Михаила в Киеве, ныне хранится в коллекции Третьяковской галереи в Москве. Почитание святого Димитрия было воспринято на Руси сразу же после крещения, в его честь было построено множество храмов

чивого. Во время событий, трагических для жизни Фессалоник, именно благодаря этому святому город не погиб. Благодаря множеству совершенных им чудес, овеянных впоследствии народными сказаниями, его почитали как покровителя и защитника города, видели в нем неусыпного стража. Салоники также могли гордиться храмом Святой Софии, своей «великой церковью»,

Мозаика из храма Святой Софии

возведенной в середине VII в. Скорее всего, во времена Кирилла и Мефодия было обновлено украшение апсиды, огромный крест был заменен мозаичным образом Божией Матери¹. Величие этих памятников дополняли внушительная Ротонда Галерия, незадолго до того времени преобразованная в христианский храм древняя базилика Богородицы, известная ныне как храм Ахиропииту (*Ἀχειροποίητος* — Нерукотворный образ), и соборный храм Латомского монастыря (*Λατόμου*) с превосходной и уникальной мозаикой, запечатлевшей лик молодого Христа.

Упомянутые выше и многие другие храмы, обильно изукрашенные прекрасными мозаиками, капителями, архитравами, алтарными плитами и прочим внутренним и внешним убранством, являли благородство и преуспеяние города. Наряду с храмами множество других зданий и памятников старины, несомненно, внушали фессалоникийцам любовь к своему городу, безусловно, самому прославленному из греческих городов, находившихся на европейской территории.

Величественный мир храмов и памятников не был мертв, он был преисполнен непрестанной духовной жизнью. Благодаря

¹ *Kyriakoudis E.N.* La peinture monumentale de Thessalonique et des régions avoisinantes du nord dans la première période de la christianisation des Slaves (du milieu du IXe au milieu du XIe siècle) // *Legacy*. P. 579–580.

Мозаика на колонне в храме Святого Димитрия, изображающая святого вместе с епископом и епархом. Обновление храма, о котором идет речь, было совершено в начале VII в., после третьего набега славян на город.

Как сообщает надпись внизу мозаики, возобновители церкви изображены вместе со святым Димитрием, «который утишает бурю и избавляет город от варваров, приплывших на кораблях». Это очевидное указание на то, что славяне приходили с моря

монастырям¹, которые одновременно были средоточием как духовной, так и культурной деятельности, а также участием выдающихся людей, живших в городе или посещавших его, Фессалоники стали уникальным духовным центром. В 787 г. митрополит Фессалоникийский Феофил принял участие в Седьмом Вселенском соборе в Никее и подписался под его деяниями, подтвердив этим приверженность города Православию². В конце VIII в. город посетил великий духовный наставник и монах из Константинополя преподобный Феодор Студит, находившийся в ссылке за неотступную поддержку иконопочитания. Его участие в божественной литургии, совершавшейся в храме Святой Софии в день Благовещения 797 г., было весьма значимым событием³. Спустя несколько лет, в 807 г., митрополитом Фессалоникийским был поставлен Иосиф Студит, брат Феодора. Он также был выдающимся писателем и гимнографом⁴.

В период сложения и укрепления духовных устремлений Кирилл и Мефодий митрополитом Фессалоникийским стал человек, в котором по праву следует признать одного из самых выдающихся людей Византии на протяжении всей ее истории. Речь идет о знаменитом Льве Математике, весной 840 г. сам император Феофил назначил его главой Фессалоникийской архиепископии⁵. Будучи благочестивым и добродетельным, Лев обладал незаурядными знаниями и способностями, он прославился как философ, математик, астроном и изобретатель. Прежде чем стать митрополитом Фессалоникийским, на протяжении десяти или пятнадцати

¹ См.: *Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). Paris, 1974. P. 341–419. Также см.: *Соколов И.* Состояние монашества в Византийской церкви с половины IX до начала XIII в. (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. Казань, 1894. С. 50–52

² *Tafrali O.* Thessalonique des origines au XIVe siècle. Paris, 1919. P. 272.

³ *Tafrali.* Thessalonique. P. 257.

⁴ *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur in byzantinischen Reich. München, 1977. S. 601.

⁵ Личность Льва была предметом многочисленных научных исследований и обсуждений. Здесь мы ограничимся упоминанием работы *Литвица Е.* «Византийский ученый Лев Математик» (ВВ 2. 1949. С. 106–149) и исчерпывающей главы о нем в книге: *Lemerle.* Le premier humanisme byzantin. P. 129–153.

лет он частным образом преподавал в столице. Архиепископ Лев прибыл во град святого Димитрия окруженный славой великого учителя, признанный выдающимся мыслителем. И с восшествием на архиепископский престол он не отказался вовсе от занятий науками и философией. До нас дошли его церковные беседы на дни великих праздников, свидетельствующие о том, что ученые предметы продолжали по-прежнему занимать его ум. С уверенностью можно утверждать, что в эти торжественные праздничные дни Константин и Мефодий старались не упустить ни слова, они стояли среди прихожан и, затаив дыхание, внимали мудрым речам знаменитого митрополита. Высокое общественное положение братьев гарантировало возможность их духовной близости с архиепископом Львом. Не нужно забывать, что в том «великом оскудении письменности», овладевшем Византией с середины VII в. до начала IX в.¹, который во многом был обусловлен духовным упадком, вызванным распространением иконоборчества, только в лоне Церкви могло найтись место для литературного или иного рода творчества. Похоже также, что и в этих непростых обстоятельствах в Фессалониках никогда не прерывалось течение умственной жизни, феномен, который отчасти может быть объяснен тем, что немалое число выдающихся людей того времени почтили этот древний город своим пребыванием в нем. Известно, например, что Фессалоники трижды посещал Григорий Декаполит², что именно здесь жили святой митрополит Антоний, его прославленная сестра Екатерина, бывшая игуменьей монастыря святого Луки, святая Феодора³ и многие другие. Фессалоники никогда не отступали от традиции иконопочитания. Даже сам Лев Матема-

¹ См.: *Treadgold W.* The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988. P. 51–59. Ср.: *Lemerle.* Le premier humanisme byzantin. P. 71.

² См.: *Лопарев X.* Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ 18. 1911. С. 114–119 и *Dvornik F.* La vie de Saint Grégoire le Décapolite et les Slaves Macédoniens au IXe siècle. Paris, 1926 (Travaux publiés par l'Institut d'études Slaves — V).

³ *En. Арсений.* Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Юрьев, 1899; *Kurtz E.* Des Klerikers Gregorios Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der Heiligen Theodora von Thessalonich. Sankt-Peterburg, 1902 (Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersburg. VIIIe Série, vol. VI. № 1). Ср.: *Лопарев X.* Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ 18. 1911. С. 85–98.

тик, принявший сторону иконоборцев, был чрезвычайно осторожен и умерен в этом отношении. После того как иконоборчество было осуждено, почитатели икон вполне благосклонно отнеслись к братьям, особенно к Константину. Это приводит к весьма

правдоподобному заключению, что в семействе друнгария никогда не отступали от иконопочитания.

Всякий раз, когда дети друнгария Льва посещали храм святого великомученика Димитрия, они могли видеть на стене справа от алтаря весьма необычную фреску. На ней изображен был византийский император на коне в сопровождении конных военачальников и пеших солдат, державших щиты. Все это шествие направлялось к

Святой Григорий Декаполит. Миниатюра из рукописи XII века монастыря Дохиар на Афоне. Житие святого Григория, посетившего Фессалоники в IX в. трижды, содержит важные сведения о славянах, живших близ города

некоему городу, охваченному пламенем. Позади них виднелся храм, также весь в огне, а следом за императорской процессией бежали женщины с перепуганными глазами. Император, изображенный на этой фреске, написанной в начале VIII в., Юстиниан II¹. Ему довелось царствовать дважды, в 685–695 и в 705–711 гг. Изображенный на фреске исторический эпизод оставался вполне

¹ Дополнительные сведения об этой фреске и ученое обсуждение ее подлинности см.: Σωτηρίου Γ. и Μ. 'Η Βασιλική τοῦ Ἀγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης. Ἀθήνα, 1952. Σ. 207–209; Κυριακίδης Σ. Τρεῖς Διαλέξεις. Α'. Ἱστορικὴ τοιχογραφία τῆς ἐκκλησίας τοῦ Ἀγίου Δημητρίου. Θεσσαλονίκη, 1953. Σ. 5–18; Θεοχαρίδης Γ. Ἀγία ἐκκλησία ἡ ἐν τῷ Σταδίῳ. Νέαι ἀπόψεις ἐπὶ παλαιοῦ προβλήματος // Μελετήματα στὴ μνήμη Βασιλείου Λαοῦρα. Θεσσαλονίκη, 1975. Σ. 203–239 и ego же. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας. Σ. 185–209, где указывается остальная библиография.

Изображение на южной стене храма Святого Димитрия в Фессалониках, представляющее триумфальный въезд византийского императора во врата города, стены которого после осады охвачены пламенем. Вполне возможно, что здесь изображается император Юстиниан II, вошедший в Фессалоники после победы над славянами в 688–689 гг.

современным и жизненным и во времена Константина и Мефодия. Империя вынуждена была защищаться от славян, орды которых тревожили ее с севера и представляли собой достаточно серьезную опасность. Первым и самым значительным городом на пути их нашествий были Фессалоники.

Сыновья друнгария, без всякого сомнения, слышали у себя дома различные рассказы и истории о славянах. Добросовестный и ученейший архиепископ Фессалоникийский Иоанн, живший в первой половине VII в., в своем сочинении «Повествование о чудесах святого и всеславного великомученика Димитрия» оставил

весьма ценные записи о славянских нашествиях на город. Эта книга, ставшая известной как «Книга о чудесах святого Димитрия»¹, впоследствии была дополнена другими хронистами, имена которых нам неизвестны. Она сберегла для последующих поколений подробную летопись нашествий и описание чудес святого,

Солид Юстиниана II. На лицевой стороне изображен Христос; на обратной стороне — Юстиниан II. 701–711 гг., Константинополь, золото, диаметр 1,8 см

теснейшим образом связанных со спасением родного города. Книга эта с благоговением переписывалась в монастырях Фессалоник и стала любимым чтением не только простолюдинов, но и людей из высших слоев общества. Именно из нее могли Константин и Мефодий получить первое знакомство со славянским миром. Сведения, содержащиеся в книге, безусловно, ежедневно восполнялись живой действительностью, тем, что происходило непосредственно рядом.

¹ Этот текст, представляющий особую историческую важность, часто становился предметом исследования и обсуждения в научных кругах. Лучшее критическое издание: *Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. Vol. I. Le texte. Vol. II. Commentaire, Paris, 1979, 1981.* Во втором томе содержится подробный комментарий, в котором разбираются все трудные места данного текста. Однако иногда с утверждениями П. Лемерля трудно согласиться, особенно тогда, когда и сам он, кажется, недостаточно в них уверен. См. рецензию Тахиаоса А.-Э. Н. на его труд, опубликованную в журн.: *Ελληνικά* 34. 1982–1983. Σ. 245–253.

Первое нашествие бесчисленных полчищ авар и славян обрушилось на Фессалоники в один из воскресных дней 597 г.¹ То, что они не случайно избрали целью своего нападения Фессалоники, ясно из слов архиепископа Иоанна. Поясняя намерения вождя аваро-славян, он говорит: «Предполагая, что богохранимая митрополия фессалоникийцев несоизмеримо превосходит все другие города, находящиеся во Фракии и во всем Иллирике богатством всякого вида и замечательными, разумными и наихристианнейшими людьми, и, одним словом, понимая, что вышеуказанная митрополия, сияя своими преимуществами, находится в сердце цесаревом, и что, если она претерпит какое-либо неожиданное зло, император пострадает не меньше, чем от гибели своих собственных детей, он приближает к себе все дикое племя славян (потому что весь этот народ был послушен ему) и, присоединив и некоторых инородных варваров, велит им всем отправиться в поход против богохранимой Солуни»². Нашествие было страшным, однако, все атаки были отбиты. Успеху византийцев, по всеобщему убеждению горожан, содействовал своим чудотворным заступничеством и покровительством святой Димитрий. Неудача осады, впрочем, не лишила надежды нападающих, напротив, у них появилось еще большее желание овладеть сокровищами и богатством города, захват которого, помимо прочего, позволил бы им осесть в пределах Македонии. В 604 г. нашествие повторилось, теперь в нем участвовали только славяне, однако и на этот раз захватить Фессалоники не удалось. Неудача осады не остановила дальнейшего продвижения славян, со свойственным им тогда страшным напором они продолжили свое безудержное шествие на юг, где захватили Фессалию и добрались даже до Пелопоннеса. Третье нашествие произошло десятью годами позже, на сей раз славяне

¹ После тщательного сопоставления исторических данных П. Лемерль отвергает все другие даты (*Lemerle. Les plus anciens recueils. V. I. P. 46–69*) и датирует нападение 586 г. Однако многие его положения недостаточно обоснованы, остаются открытыми для критики и поправок (как я отметил в: *Ελληνικά* 34. Σ. 248–249), что и делает С. Врионис в статье: *Vryonis S. The Evolution of Slavic Society and the Slavic Invasions in Greece. The First Slavic Major Attack on Thessaloniki, A.D. 597 // Hesperia* 50. 1981. P. 378–390.

² *Lemerle. Les plus anciens recueils. V. I. P. 134.*

приплыли из Фессалии на лодках¹. Хотя Фессалоники оказались не вполне подготовленными к такому нападению, тем не менее горожане сумели оказать мощное и решительное сопротивление славянам и защитить от них город.

Набеги и нашествия славян не прекращались и в дальнейшем, однако, несмотря на все их усилия, Фессалоники не были захвачены. Последовательность событий, давних и недавних, связанных со славянами, была достаточно хорошо известна братьям Константину и Мефодию. Прошли века с тех пор, как славяне впервые появились на исторической сцене, и их неотступная близость стала теперь для империи предметом серьезной обеспокоенности. Некогда страх перед славянами пришлось испытать и двум юным братьям. Около 836 г. произошло восстание славян, осевших к востоку от Фессалоник, а затем взбунтовались славяне Центральной Греции и Пелопоннеса. Об этих событиях нам сообщает император Константин Багрянородный в сочинении об управлении Византийским государством. Там рассказано, что восстание произошло во времена царя Михаила III (842–867) и что для его подавления был послан стратег фемы Пелопоннес *протоспафарий* Феоктист Вриенний². Он выступил в поход с очень большим войском, состоящим из «фракийцев и македонян и из мужей других западных фем», и нанес славянам поражение. Перемещения войск и беспокойства, вызванные восстаниями славян, безусловно, не могли не повлиять на домашнюю жизнь Константина и Мефодия. Если их отец в те времена был еще жив, несомненно, в силу занимаемой им должности друнгария, он должен был принять участие в военных действиях, по крайней мере, в тех, которые велись в 836 г. Так события, повлиявшие на обстоятельства их жизни и, конечно же, оживленно обсуждавшиеся всеми окружающими людьми, доставили сыновьям Льва некоторое представление о проблемах, возникших у империи из-за присутствия славян на ее территории и по соседству с ней.

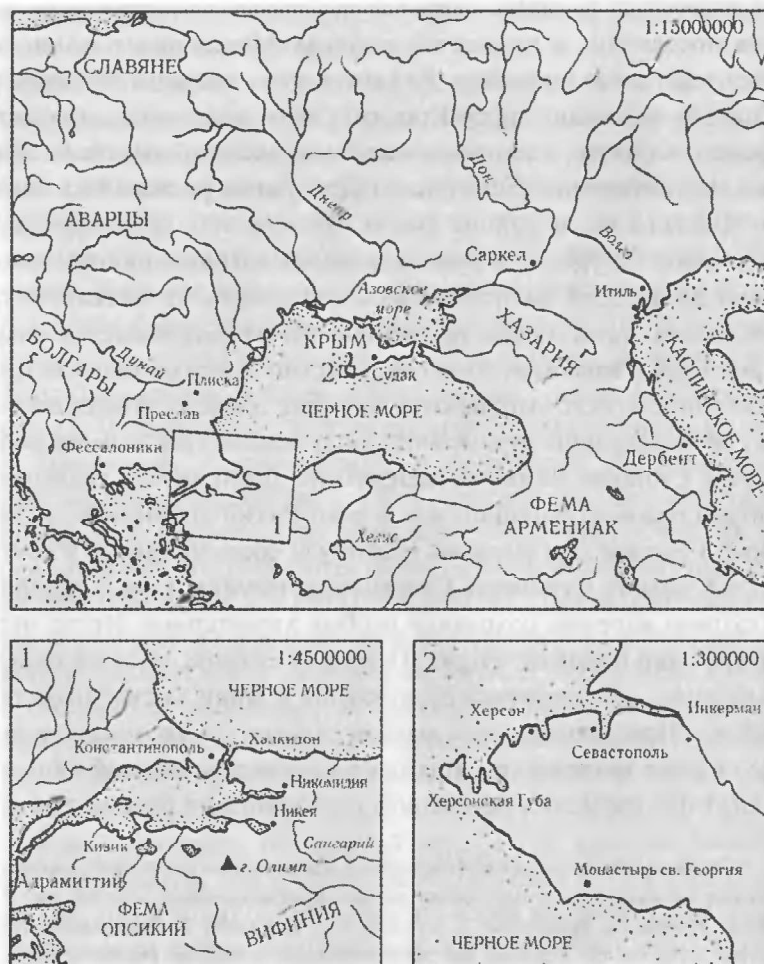
¹ Lemerle. Les plus anciens recueils. V. I. P. 254.

² *Constantinus Porphyrogenitus. De Administrando Imperio* / ed. Gu. Moravcsik, Engl. Transl. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967. P. 232. Ср.: Λουγγής Τ. Κωνσταντίνου Πορφυρογεννήτου De Administrando Imperio (Πρὸς τὸν ἴδιον υἱὸν Ρωμανόν). Μία μέθοδος ἀνάγνωστος. Θεσσαλονίκη, 1990. Σ. 129, 131.

Помимо нашествий и восстаний славян, следовало также учитывать реальность их мирного присутствия. Уже в IX в. положение относительно стабилизировалось: отдельные славянские племена поселились в различных районах Македонии и жили там более или менее спокойно. Ряд имен этих племен перечислен в «Книге о чудесах»: дрогувиты, сагудаты, велегезиты, ваюниты, верзиты. Области, где поселились они, византийцы стали называть «склавиниями» (*Sclaviniae*)¹. Дрогувиты расселились западнее Фессалоник, в районе Верии. Велегезиты продвинулись в Фессалию. Сагудаты, о происхождении которых ничего доподлинно неизвестно, расположились неподалеку от Фессалоник, с западной стороны города, на равнине. Местоположение жительства верзитов и ваюнитов точно не известно. В позднейших исторических источниках указываются и другие племена, жившие к востоку от Фессалоник: стримониты, получившие свое наименование по реке Стримон, ринхины (неизвестно, были ли они славянами) обитали рядом с Ринхином или у реки Рихий поблизости от Рентины². Смоляне или смолены раскинули свои поселения у самого входа в долину Стримона. Славянские племена, хотя и говорили на схожем наречии, сохраняли особые характерные черты, отличавшие одно племя от других. Поначалу славяне, поселившиеся в Македонии, вели военный образ жизни и жили за счет набегов и грабежа. Впоследствии они начали заниматься скотоводством, а еще позднее земледелием. Находясь в непосредственной близости от местных греческих поселений, они осваивали разные ремесла,

¹ О славянских племенах в Македонии и «склавиниях» было много написано, учеными высказано по этому поводу немало противоречивых мнений, см.: *Θεοχαρίδης. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας*. Σ. 137–202. Ср.: *Κυριακίδης Σ. Θεσσαλονίκη Μελετήματα*. 1. Αἱ περὶ τὸν Στρυμόνα καὶ τὴν Θεσσαλονίκην σκλαβικαὶ ἐποικίσεις κατὰ τὸν μέσον αἰῶνα. *Θεσσαλονίκη*, 1939. Σ. 5–18; *Pritsak O. Sklavinia* // ODB 3. P. 1910–1911; *Antoljak S. Makedonskite sklavinii* // *La Macédoine et les Macédoniens dans le passé*. Skopje, 1970. P. 27–44.

² Трудно установить, были ли славянами ринхины и сагудаты, вполне возможно их валашское происхождение. См.: *Lemerle P. Les plus anciens recueils*. V. II. P. 111–114. Также: *Θεοχαρίδης. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας*. Σ. 180–182. Имя вождя ринхинов, Первунд, считается некоторыми исследователями славянским; но этимология, предложенная ими, представляется довольно натянутой.

На данных картах отмечены места, где жили и трудились Кирилл и Мефодий после 860 г. Это Константинополь с окрестностями, фема Опсикий в Вифинии, где находились монашеские центры горы Олимп, и Крымский полуостров, где Кирилл и Мефодий выполняли особое задание императора Михаила и патриарха Фотия

неизвестные в северных областях, откуда они пришли. Археологические находки, подтверждающие присутствие славян на греческой земле, довольно бедны, хотя и бесспорны. На их основании трудно сделать сколько-нибудь определенные выводы об общем состоянии жизни и повседневной деятельности славян¹.

Известно, что древние славяне жили в вырытых в земле жилищах, однако никто не может с уверенностью сказать, что этот тип жилья был также распространен во всех областях расселения славян на греческих территориях. Подобное можно сказать и о сосудах для масла и другой посуде, обнаруженной на Пелопоннесе и атрибутируемой славянам. Несмотря на определенное сходство с сосудами, найденными на территории нынешних славянских государств, эти находки совсем не достаточны для того, чтобы можно было ясно определить их назначение в полном контексте общественной и экономической жизни славян. Не обладавшие письмом, практически лишенные возможности получить образование на своем собственном языке, славяне не смогли, несмотря на свое достаточно значительное и деятельное присутствие, вытеснить и свести на нет греческий язык и традиции, преобладавшие на протяжении веков в Македонии. Этого, впрочем, не удалось осуществить даже при римском владычестве, ведь греческое образование и при нем продолжало сохранять свое вселенское значение. Бесчисленное множество греческих памятников, надписей, статуй, гробниц, сосудов и прочего постоянно напоминает нам о том великом наследии, которое выжило и выдержало немалый натиск истории и времени.

Славянские племена обладали своим собственным внутренним управлением. Византийские писатели, несомненно исходя из собственных своих представлений и терминологии, называют правителей славян именами «рекс» (rex), «экзарх» (ἑξάρχος) или «архонт» (ἄρχων). Следует сразу уточнить, что эти титулы никак

¹ Об укладе жизни и культуре славян см. работы: *Niederle L. Slovanské starožitnosti // Oddíl culturní. Život starých slovanu. Vol. I–III. Praha, 1911–1937*, переведенную на французский (*Niederle L. Manuel de l'antiquité slave. Vol. II. Paris, 1926*) и на русский (*Нидерле Л. Славянские древности. М.: Алетея, 2000*). См. также: *Váňa Z. Le monde slave ancien. Paris, 1983* — эта работа написана популярно, но с подлинной научной ясностью.

не связаны с существовавшими тогда византийскими административными должностями. Империя из-за постоянного участия императоров в войнах с персами и арабами, а также из-за непрерывных славянских набегов не могла повсюду сохранить полноту власти, особенно в области Западной Македонии. Впрочем, это ослабление управления совсем не подразумевало готовности империи оставить славян на произвол судьбы и безучастности по отношению к ним. Напротив, императоры всегда стремились подчинить себе славян. Государственная администрация пыталась взять их под свой полный контроль и установить над ними абсолютную власть. Это постепенно осуществлялось посредством применения особых мер, таких, как учреждение фем¹, то есть особых административных единиц, или избирательного перемещения части славянского населения в другие области империи. Такими путями постепенно достигался переход славян к мирному образу жизни. По свидетельству историка Иоанна Камениата, в некоторых частях империи славяне даже проживали совместно с греческим населением в маленьких городах и, что вполне естественно, ассимилировались с ним². Решающую роль в мирном процессе укрепления византийского влияния играло постепенное обращение славян в христианство. В 879 г. уже упоминается Драгувитийская, или Драгвистийская, епископия³, а еще в 864 г. была учреждена епископия для смолен⁴. Следует согласиться с тем, что они были устроены именно для славян. Из врагов и захватчиков славяне, поселившиеся в империи, мало-помалу переходили в категорию «подданных» и «союзников», как их предпочитали называть на

¹ Учреждение фем является одним из весьма спорных вопросов византологии. См.: Kazhdan A. Theme // ODB 3. P. 2034–2035, где обсуждается данный вопрос и приведена избранная библиография.

² *Ἰωάννης Καμενιάτης. Εἰς τὴν ἄλλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης* / ed. Bekker. P. 496–497. Также: Наследова Р.А. Македонские славяне конца IX – начала X в. по данным Ивана Камениаты // ВВ XI. 1956. С. 82–97.

³ См.: Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981. P. 278, 285 (Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin I).

⁴ См.: Lemerle P. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945. P. 275–280. Также: Θεοχαρίδης Γ. Μορουνάτζ το δῆθεν σλαβικὸν ὄνομα τῆς Καβάλας // Makedonika 6. 1964. P. 82–88.

языке византийской администрации. Естественно, эти наименования означали подчинение. Вопрос о славянах, живших в Византии, разрешил раз и навсегда император Василий I Македонянин (867–887), который, по свидетельству исторических источников, убедил славянские племена «оставить древние свои обыкновения и, поскольку он ввел их в ограду¹, подчинил по ромейскому образцу и почтил их крещением, освободив их от рабства своим собственным владыкам и научив их, чтобы они предпринимали военные походы против народов, которые сражаются с ромеями, показывая таким образом, какое попечение он проявил по этому поводу»². Таким образом были в значительной степени умиротворены славяне, поселившиеся на территории империи, и немалое значение в этом сыграло их обращение в христианство. Постепенный переход их под контроль и управление византийской администрации доставлял им одновременно возможность вступить в область греческого культурного влияния.

Фессалоники в то время располагали более значительным опытом общения со славянами, нежели какой-либо другой город Византии. Поселившись в окрестностях города, славяне начали вступать в мирные отношения с коренным греческим населением и продавать грекам свои товары. Каждое утро при открытии больших врат в стенах города, Золотых, Летейских (*Ληταίας*) и Кассандреотикийских, в Фессалоники входило множество славян, направляющихся в город за покупками или по иным делам. Поскольку культура славян была неразвита и им трудно было вступать в полноценное общение с греками, последние вынуждены были сами до некоторой степени изучить их язык. На протяжении столетий славянская речь была отличительной особенностью оживленного фессалоникийского рынка, и даже сегодня случается порой, что продавцы обращаются к покупателям на родных им языках, предлагая свой товар.

¹ Здесь Лев употребляет причастие *γραφικώσας*. В статье Г. Коллиаса (*Κόλλι-ας Γ. "Ἦσκησεν ὁ αὐτοκράτωρ Βασίλειος ὁ Α' ἐξ ἐλληνιστικὴν πολιτικὴν ἔναντι τῶν Σλάβων // Κυρίλλω καὶ Μεθοδίῳ* т. Σ. 335–339) приводятся доказательства в пользу того, что Василием не проводилась политика насильственного «огречивания» славян.

² *Leo Sapiens. Tactica sive de re militari liber. Const. 18, PG 107, 969.*

Стоит ли удивляться тому, что у Константина и Мефодия была возможность услышать разговорную славянскую речь, и поразиться ее произношению и мелодичности, но без всякого сомнения она могла показаться довольно странной их ушам. И, конечно, можно вообразить, насколько чуждой представлялась она отрокам, занимавшимся изучением стихов Григория Богослова, написанных на безукоризненнейшем и чистейшем аттическом диалекте. Декламируя эти стихи, они сознавали изрядную разницу между искусной музыкой греческой речи и звучанием «варварского языка», на котором говорили эти еще не успевшие умственно развиться люди. И здесь сразу возникает вопрос: те, кто позднее стали апостолами славян и их учителями, знали ли сами славянский язык с детства? Делались даже предположения, что они были славянского происхождения. Правда, ни о чем подобном не сообщается в древних достоверных источниках, славянских, латинских и греческих¹. Напротив, все они свидетельствуют о том, что Константин и Мефодий были детьми некоего достаточно знатного по происхождению греческого друнгария. Такого же взгляда придерживается и подавляющее большинство авторитетных исследователей их жизни и деятельности. Существует всего лишь одно место в славянском житии Мефодия, при чтении которого может сложиться впечатление, что двое братьев говорили по-славянски уже с младенческого возраста. Это когда император Михаил III

¹ Подробный анализ славянских источников касательно вопроса о национальности солунских братьев содержится в моей работе: *Tachiaos. L'origine de Cyrille et de Méthode. Verité et légende dans les sources slaves* // СМ II. 1972–1973. Р. 98–140. Ни в одном источнике не сообщается, пусть даже косвенно, о том, что они были славянами, в то же время об их греческом происхождении известно из древнейших источников. Нужно упомянуть также факт, что в обращении к папе Иоанну VIII архиепископ Зальцбургский Альвин называет старшего брата Gracius, Methodius nomine (*Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantonorum*. Vinnacologne-Graz, 1979. Р. 56). О греческом происхождении братьев см. исчерпывающую работу: Γόνις Δ. 'Η καταγωγή τοῦ Ἀγίου Κυρίλλου καὶ ἡ ἀπάντησή του γι' αὐτὴν στὸ δεῖπνο τοῦ Χαζάρου Χαγάνου // Πρακτικὰ Συνεδρίου — Ἐορταστικαὶ ἐκδηλώσεις πρὸς τιμὴν τῶν Ἀγίων Κυρίλλου καὶ Μεθοδίου τῶν Θεσσαλονικέων, φωτιστῶν τῶν Σλάβων (10–15 Μαΐου 1985). Θεσσαλονίκη, 1986. См. также: *Altbauer M. Scs. locativus pluralis κ' κ' σ' δ' κ' τε χ'* // Slovo 9–10. 1960. Р. 129–133, где на основании лингвистических данных делается вывод, что Кирилл и Мефодий были греческого происхождения.

поручил Константину миссию в Великой Моравии. Он обратился к нему со следующими словами: «Иди, взяв (с собой) брата своего, игумена Мефодия. Вы ведь солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски»¹. Некоторые известные слависты видят в этом месте жития позднейшую интерполяцию в повествование². С ними трудно согласиться. Думается, что место это является подлинным, но по существу в нем нет указания ни на что иное, кроме вполне обычных обобщений и преувеличений, достаточно часто встречающихся в разговорной греческой речи при описании людей или местности. К тому же знание языка совсем не обязательно указывает на таковое же происхождение³. Объяснение данного места весьма просто, в Константинополе того времени было прекрасно известно, что в городе Фессалоники, богатом и преуспевающем, на рынках нередко слышится язык славян, недавних противников, которые мирно пришли за покупками и объясняются с продавцами. Вот что, скорее всего, имел в виду император Михаил III, обращаясь к Кириллу с вышеупомянутыми словами.

¹ Житие Мефодия, гл. 5. *Лавров*. Материалы. С. 72; *Флоря*. Сказания. С. 96, 97.

² *Бернштейн С.Б.* Константин Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. Москва, 1984. С. 29. Далее в своей книге (с. 38) С. Бернштейн повторяет мнение о том, что это место является вставкой: «Я уже упоминал об одном недостоверном отрывке в житии Мефодия. Речь там шла о словах императора Михаила III, сказанных им якобы Константину Философу перед отправлением солунских братьев в Моравию: “Вы оба солуняне, а все солуняне свободно говорят по-славянски”. В действительности же языковая ситуация в городе была иной. Господствовал греческий язык, язык не только греческого населения Солуни, но и язык общения различных народностей города. Хорошо знать славянский язык могли только местные славяне».

³ В книге *Μαλιγκούδης Φ.* *Η Θεσσαλονίκη καὶ ὁ κόσμος τῶν Σλάβων. Εἰσαγωγικά δοκίμια. Θεσσαλονίκη*, 1991. Σ. 69–83 (*Βιβλιοθήκη Σλαβικών Μελετῶν* 2) проведен семантический анализ глагола *βιτѣдѣати* и приводятся убедительные доводы в пользу того, что в данном месте *βιτѣдѣати* означает возможность при случае объясняться по-славянски. Это новое объяснение отрывка вполне логично. Также исследователь рассматривает слово *υἱττῷ* как искажение *υἱστῷ*, что увеличивает вероятность высказываемого мнения.

Глава 2

Дальнейшая судьба солунских братьев

Беззаботная жизнь двух сыновей друнгария Льва в любимом ими с детства городе в конце концов была лишь приуготовлением к будущему. Перед ними открылись два различных пути, заставившие их расстаться друг с другом на длительное время. Мефодий поступил на государственную службу, Кирилл же продолжил образование на более высоком уровне. Пути, избранные братьями, могут вновь послужить указанием не только на собственные их незаурядные умственные способности, но и на положение их семьи в византийском обществе вообще и в частности в Фессалониках.

О Мефодии житие сообщает нам, что в Фессалониках «первенцы, любившие его с детства, беседовали с ним, как с равным, пока цесарь, узнав о быстроте ума его, не дал ему править славянским княжеством [провинцией], скажу я, как будто предвидел, — добавляет здесь составитель жития, — что пошлет его к славянам как учителя и первого архиепископа, чтобы научился всем славянским обычаям и понемногу к ним привык»¹. Это свидетельство из сла-

Подпись к илл.: Вид на Константинополь со стороны Золотого Рога. Литография сер. XIX в.

¹ Житие Мефодия, гл. 2. См.: *Лавров. Материалы. С. 70; Флоря. Сказания. С. 96.* В цитате содержится подтверждение того, что Мефодий не только не был

вянского жития Мефодия, несмотря на краткость, содержит в себе немало сведений. Во-первых, в нем говорится, что Мефодий был одаренным юношей, к которому с почтением относились даже высокопоставленные лица и сами стремились вступать с ним в беседу. Слово «первенцы», коим составитель жития назвал беседовавших с Мефодием, с филологической точки зрения неоднозначно и может в равной степени обозначать *ипархов* или патрициев, любое из этих значений может придать особый оттенок происшедшему¹. Затем мы узнаем, что Мефодий по рекомендации неких знатных граждан Фессалоник стал известен самому императору, который возложил на него управление славянским княжеством. Никким образом не должно остаться без внимания мистическое, если можно его так охарактеризовать, толкование, которым составитель жития сопровождает упоминание о распоряжении императора: Мефодий прежде совсем не был знаком со славянским миром, обычаи коего ему в достаточной мере неведомы, именно их ему придется изучать, к ним привыкать, управляя славянами. Из жития видно, что по божественному промыслу намерение императора служит тому, чтобы в дальнейшем можно было исполнить высшее предназначение. Равно значим тот несомненный факт, что княжение, управление которым возложено на Мефодия, находилось внутри, а не вне сферы византийской юрисдикции. Иными словами, упоминаемые здесь *Scloviniae* не обладали собственным самоуправлением, но были включены в административную структуру империи.

Только вступив в постоянное общение со славянами, Мефодий смог приобрести достаточно глубокое знание славянского мира, досконально изучить его нравы и традиции и, уж во всяком

славянином по происхождению, но и не владел славянским языком с детства. Если бы он знал язык, то знал бы и славянские обычаи; а из данных слов жития видно, что они были ему совершенно неизвестны.

¹ В славянском тексте жития присутствует слово *първици*, с переводом которого связаны определенные трудности, поскольку рукописи дают разные чтения. Ф. Дворник (*Dvornik F. Les légendes*. P. 384) переводит его как «законники», в то время как другие ученые ранее употребляли слово «греки». После тщательного сопоставления данных рукописной традиции, а также прежних толкований этого слова, М. Тадин (*Tadin M.*) в своей статье «*L'étymologie et la signification de pirici de la Vie de Méthode*» (СМ VII. 1983. P. 1–22) очень убедительно предложил слово «патриции», которое расширительно, с учетом устройства византийского общества того времени, можно отождествить со словом «вельможи».

случае, овладеть славянским языком. Было ли всего лишь неожиданной случайностью решение императора возложить именно на Мефодия управление провинцией, заселенной славянами? Безусловно нет, если сопоставить данное назначение Мефодия с последующим жизненным путем, как его самого, так и его брата Кирилла, пожалуй, можно усмотреть осознанную целенаправленность действий, предпринимавшихся византийской администрацией.

Дальнейший вопрос таков: где находилась провинция, в которую был послан Мефодий? До настоящего времени историческое исследование не привело к сколько-нибудь определенному ответу на него. Как уже отмечалось выше, славянское население жило в различных частях империи, как на европейской территории, так и в Малой Азии¹. Княжения были особыми административными единицами, как прямого подчинения, так и включенными в более обширные административные области, именуемые фемами. В любом случае для нас прежде всего значимо то, что княжение славянское, как его называет житие Мефодия, отнюдь не было независимым от византийской администрации, но входило в сферу ее юрисдикции.

¹ Точное местоположение этого княжения все еще удовлетворительно не определено. Ф. Дворник (*Dvornik F. Les légendes*. P. 2–19), исключив Далматину, предположил, что оно могло находиться в районе реки Стримон. Эту точку зрения разделяет и Г. Острогорский (*Ostrogorsky G. The Byzantine Background of the Moravian Mission* // DOP 19. 1965. P. 13–16). Напротив, Г. Кириакидис (*Κυριακίδης. Βυζαντινὰ Μελέται. Σ. 356 и Θεσσαλονίκια μελετήματα. Σ. 5–18*) отвергает эту гипотезу достаточно серьезным доводом: фему Стримона возглавлял *στρατηγ*, а не простой *архонт*. Таким образом, вопрос пока остается открытым. Для его решения необходимо было бы прежде всего выяснить, что означает славянское слово княжение, употребляемое в житии Мефодия, и только потом, исключив Стримон, начать поиски местности, которая могла иметься в виду. См.: *Tachiaos. Some Controversial Points*. P. 46–57. Вифиния представляется вполне возможным местом, куда мог быть назначен Мефодий, так как во многих источниках содержатся указания в поддержку данного предположения. Относительно княжения Далматии см.: *Ферлуга J. Византиска управа у Далмации*. Београд, 1957. С. 38–67. Другие полезные исследования: *Koder J. Zu den Archontes der Slaven in 'De Administrando Imperio'* 29, 106–115 // WSJ 29. 1983. S. 128–131; *Ferluga J. Archon: Ein Beitrag zur Untersuchung der südslavischen Herrschentitel im 9. und 10. Jh. Im Lichte der byzantinischen Quellen* // Tradition als historische Kraft. Berlin, 1982. S. 254–266. Ср.: *Novaković S. Prvi osnovi slovenske književnosti medju balkanskim slovenima. Legenda o Vladimiru i Kosari*. Београд, 1893. S. 89–117.

В избрании Мефодия на этот пост, несомненно, можно увидеть подготовку к особому назначению, определенному для него правительством. То же самое следует сказать и по отношению к брату его, Кириллу. В пятнадцатилетнем возрасте, после завершения общего образования в Фессалониках, по особому приглашению он направился в Константинополь продолжить учение. Приглашение было послано «Великим Логофетом Дрома», то есть лицом, исполнявшим обязанности министра внутренних и внешних дел, одновременно осуществлявшим контроль за государственной почтой¹. Составитель жития Кирилла сообщает нам об этом в обычном своем агиографическом стиле: «о красоте его, и мудрости, и прилежании в науках, свойственном ему, услышав, правитель царя, который называется логофет, послал за ним, чтобы учился с царем»². Знаменательно, что сходная подробность отмечена в двух житиях, независимых хронологически. При императорском дворе была проявлена личная заинтересованность по отношению к каждому из фессалоникийских братьев. Не остается никаких сомнений в точности передачи известий об этом. И здесь мы не в последний раз встречаемся с тем, что под покровом агиографического жанра скрывается историческая правда о византийской жизни. Безусловно, оба составителя житий основательно были осведомлены о ней. Потому их тексты вполне могут использоваться в качестве дополнительных источников для византийской истории IX в. Во всяком случае высшие круги Константинополя были доступны для семейства друнгария Льва, по крайней мере через посредство друзей или родственников³. Одного юношу

¹ О звании логофета см.: *Bréhier L.* Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1970. P. 627 и *Guilland R.* Les logothètes // *REB* 29. 1971. P. 5–115, где дано очень глубокое исследование вопроса.

² Житие Кирилла, гл. 3. Ср.: *Лавров.* Материалы. С. 4; *Флоря.* Сказания. С. 72.

³ В своих исследованиях, строящихся на не вполне обоснованных рассуждениях, К. Бонис пытался восстановить генеалогическое древо Кирилла и Мефодия и связать его с высокопоставленными лицами в империи. В научном мире его взгляды не принимаются в расчет, поскольку он одни гипотезы строит на других, изменяет датировки исторических событий и произвольно использует источники. См.: *Μπόνιης Κ.Γ.* Οι "Άγιοι Κύριλλος και Μεθόδιος οἱ τῶν Σλάβων ἀπόστολοι καὶ ἡ Βασιλικὴ τοῦ ἁγίου Δημητρίου". Ἀθήνα, 1969 и критические замечания в адрес К. Бониса в работе: *Θεοχαρίδης.* Ἱστορία τῆς Μακεδονίας. Σ. 239–240.

избрал сам император, а другого — лицо, достаточно близкое к нему. Мы видим здесь ясное указание на общую тактику, практиковавшуюся в империи, готовить к важным государственным постам и назначать на них молодых людей из знатных и доверенных семей.

Не следует забывать, что в нашем повествовании идет речь о периоде, близком к концу иконоборчества и торжеству Православия. После восстановления почитания икон на Константинопольском соборе и торжественной процессии 11 марта 843 г., когда по улицам города прошел крестный ход с иконами, для империи началась эпоха деятельного оживления и творческого подъема, пожалуй, ей удалось тогда достичь вершины своего духовного и культурного расцвета. В 842 г. умер упорный иконоборец император Феофил, оставив империю своему несовершеннолетнему сыну Михаилу III, с ним соцарствовала мать его, Феодора, как регент. За сценой, однако, пребывали и направляли жизнь два лица — родной брат императрицы кесарь Варда и, что еще значительнее, логофет Феокист, прославленный мудростью и совершенной преданностью императорской династии. Он вошел в полное доверие к Феодоре, позволявшей ему управлять империей по своему усмотрению. После смерти иконоборца Феофила, мужа Феодоры, мудрый Феокист содействовал восстановлению почитания икон и продвинул человека благоразумного и скромного по имени Мефодий на патриарший престол. Именно благодаря усилиям логофета Феокиста жизни империи был придан новый импульс. Существует немало свидетельств того, что переход от иконоборчества к Православию, ставший как бы точкой отсчета, был составной частью масштабных преобразований, уже происходивших к тому времени в империи. Прибытие Кирилла в Константинополь по сути дела совпало с этим историческим рубежом, тогда как назначение Мефодия на пост архонта должно было произойти несколько ранее.

Легко можно вообразить себе, что ощущал юный Кирилл после своего прибытия в столичный град. Позади остались в целом весьма консервативные Фессалоники, умиротворенная красота, углубленная в традицию, по крайней мере на три века более древнюю, нежели столичная, почти наверняка более западную по

Император Феофил ведет богословский спор со сторонниками иконопочитания из Константинополя — учеными монахами Феодором и Феофаном. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы

Монета императора Феофила, 829–842 гг. Константинополь, золото, диаметр 2 см

Императрица Феодора, убежденная сторонница Православия, беседует с иконописцем монахом Лазарем, претерпевшим пытки от иконоборцев. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы

Императрица Феодора, восстановившая почитание святых икон. Миниатюра из «Менология» императора Василия II, Ватиканская библиотека

складу, но при этом обладавшую устойчивостью и незыблемостью, свойственной провинции. Теперь же он прибыл в средоточие вселенной и утверждения православной веры, здесь собрались воедино могущество и культура, наука и образованность. Приезд Кирилла совпал с открытием новой страницы в славной духовной истории Константинополя. Составитель жития, превосходно осведомленный о жизни столицы, поместил Кирилла в самый центр происходившего тогда умственного пробуждения: «Когда же пришел в Царьград, отдали его учителям, чтобы учился. И в три месяца овладел всей грамматикой и за иные взялся науки, научился же Гомеру и геометрии, и у Льва и Фотия диалектике и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским учениям. И так изучил их все, как не изучил не один из них, так как скорость (в нем) с прилежанием слилась, помогая одна другой, чем совершенствуются науки и искусства»¹.

Выдающимися личностями, оказавшими значительное воздействие на духовную и умственную жизнь Константинополя и, пожалуй, запечатлевшими своим присутствием целую эпоху, были Лев Математик, или Философ, и Фотий Великий. Лев, конечно, знал юного сына одноименного себе друнгария с того самого времени, когда он был митрополитом Фессалоникийским, а именно с 840 г. Он лишился престола Фессалоникийской митрополии весной 843 г., когда его покровитель патриарх Иоанн Грамматик был удален из столицы за свои иконоборческие взгляды. Тогда Льву пришлось вернуться назад в Константинополь и заняться ремеслом, известным ему до рукоположения, а именно преподаванием. Впоследствии Лев возглавил в Константинополе знаменитую Магнавскую школу, вполне заслуживающую имени университета, основанную после 855 г. кесарем Вардой. До ее основания Лев продолжал преподавать частным образом в кругу учеников, среди них, по свидетельству жития, был и Кирилл².

¹ Житие Кирилла, гл. 4. *Лавров*. Материалы. С. 4; *Флоря*. Сказания. С. 73.

² Вопросами об образовании Кирилла и об учреждении Магнавской школы в Константинополе серьезно занимались исследователи византийской истории и образования в IX в., и все же в их заключениях пока остается ряд пробелов.

Другой учитель Кирилла Фотий, впоследствии удостоившийся стать великим и славным патриархом, был наравне со Львом мыслителем высочайшего уровня. И тот и другой обладали обширной и глубокой ученостью, круг знаний их простирался от классической литературы вплоть до философии, прикладных наук и богословия. Фотий до того, как стал в 858 г. патриархом, носил высокое звание *протоасикрита*, или начальника императорской канцелярии, он никогда не был профессором. Редкостная для его времени глубина образованности, многообразные писательские труды, довольно рано открыли ему путь к занятию высших государственных должностей. Это, впрочем, не помешало тому, чтобы у Фотия образовался приватный круг избранных учеников. Плененные его уникальной личностью и поразительной образо-

Наиболее авторитетный исследователь жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, с точки зрения византийской истории, Ф. Дворник почти дословно принимает сообщение жития Кирилла о существовании Магнаврской школы в то время, когда Кирилл приехал в столицу, и что в ней преподавали Лев и Фотий, а впоследствии и сам Кирилл. См.: *Dvornik. Les légendes*. P. 39 sqq. См.: *его же. Photius et la réorganisation de l'Académie patriarcale* // *AB* 78. 1950. P. 108–125. И. Анастасиу повторяет то же мнение, но не прибавляет ничего нового (*Αναστασίου 'Ι. 'Ε. Ἡ κατάστασις τῆς παιδείας εἰς τὸ Βυζάντιον κατὰ τὴν διάρκεια τοῦ Θ' αἰῶνος* // *Κυρίλλῳ καὶ Μεθόδιῳ* т. Σ. 31–77). Многие серьезные исследователи соглашались с мнением Ф. Дворника, но оно было опровергнуто П. Шпском и П. Лемерлем в исследованиях по истории византийского образования в IX–X вв., где свидетельства источников пересмотрены в свете новых данных. Общая картина, которая вырисовывается из их исследований и которая принята в данной книге, такова: Лев преподавал в своей частной школе, которая не могла считаться императорской или государственной школой, независимо от того, оказывал ли ей император материальную поддержку. То же, в большей или меньшей степени, относится и к Фотию. См.: *Speck. Die keiserliche Universität*. S. 14–21. Ср.: *Lemerle. Le premier humanisme byzantin*. P. 160–165. Однако существует и другое мнение, согласно которому Магнаврскую школу учредил в 838 г. император Феофил; Лев Математик, возглавлявший ее, оставил преподавание в 840 г., когда был избран митрополитом Солунским. Через некоторое время, в 843 г., Варда переустроил школу и вновь поставил Льва руководить ею. См.: *Treadgold W. The Chronological Accuracy of the Chronicle of Symeon the Logothete for the Years 813–845* // *DOP* 33. 1979. P. 186–187. См.: *его же. The Byzantine revival*. P. 373–375. Впрочем, У. Тредгольд допускает (*Treadgold. The Chronological Accuracy*. P. 187. Прим. 131), что последовательность событий, предложенная им, может не вполне соответствовать действительности.

ванностью, они собирались к нему и доставляли ему радость быть их наставником и воспитателем. Возникло целое сообщество образованных молодых людей, которое вполне можно было бы назвать школой Фотия. К ним присоединился и Кирилл. В школе Льва Математика и в кругу учеников Фотия он приобщался к самому высокому и лучшему из всего, что мог предложить Константинополь того времени по части учения и науки. Быстро восполнив пробелы в своих знаниях по грамматике — которую некогда грамматик, находившийся в Фессалониках проездом, отдался ему преподавать, — припав к стопам двух выдающихся и образованнейших людей, Кирилл приступил к занятиям, проходившим, можно сказать, на настоящем университетском уровне. Составитель жития особо восхваляет дарования Кирилла, но едва ли в словах этих следует видеть преувеличение, поскольку дальнейший жизненный путь апостола славян вполне подтвердил их справедливость.

Нравственные и духовные достоинства Кирилла скоро стали широко известны в Константинополе. Особенно высоко оценил его Феоктист, не только приблизивший юношу к своему собственному дому, но и введший его в императорский двор. В житии вполне внятно утверждается, что он «дал ему власть над своим домом и (позволил) без боязни входить в царские палаты»¹. Это означает, что Кирилл стал вхож в высшие круги столичного общества.

Завершение учебы открыло перед ним возможность блестящего продвижения как в государственном или церковном служении, так и на ученом поприще. «И спросил его однажды [логофет Феоктист], говоря: “Философ, хотел бы я узнать, что есть философия?”. Он же (своим) искусным умом сразу ответил: “Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, поскольку учит человека быть по образу и подобию Сотворившего его”. И от этого (времени) еще больше возлюбил его и постоянно спрашивал его обо всем (этот) столь великий и честный муж. Он же поучал его философскому учению,

¹ Житие Кирилла, гл. 4. См.: *Лавров. Материалы. С. 5; Флоря. Сказания. С. 73.*

излагая глубокие мысли в немногих словах»¹. Нет сомнения в том, что собеседование между Кириллом и великим логофетом было неким устным экзаменом, преднамеренно устроенным для испытания знаний юного фессалоникийца. При завершении своего учения Кирилл особенно углубился в философию и поэтому удостоился звания «философа», именно так впоследствии всегда обращался к нему Феоктист². Хотя экзамен проводился по сугубо философской тематике, он открывал путь государственного служения. В первой своей части ответ Кирилла включает в себе представление о философии, какое сложилось у стоиков и Платона, во второй он отчасти дополнен христианским пониманием термина «мудрость». Во всяком случае, слова Кирилла вполне соответствовали тому, что излагалось в философских книгах, распространенных в Византии в IX в.³

Успешно прошедши экзамен, Кирилл был вполне подготовлен для продвижения на служебном поприще. У Феоктиста уже сложились относительно него определенные планы. Прежде всего он хотел женить юношу на своей племяннице и крестной дочери и тем самым ввести его в число членов своей семьи. Более того, он прямо давал ему понять, что такая женитьба поведет к незамедлительному административному назначению, а в конечном счете позволит ему занять высокий пост стратега, то есть правителя фемы⁴. На это заманчивое предложение Кирилл дал твердый от-

¹ Житие Кирилла, гл. 4. *Лавров*. Материалы. С. 5; *Флоря*. Сказания. С. 73.

² *Schütz J.* Konstantins Philosophie und seine Bestellungsurkunde als Philosoph // *WSJ* 31. 1985. S. 89–98.

³ См.: *Ševčenko I.* The Definition of Philosophy in the Life of Saint Constantine // For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday, 11 October 1956, composed by *M. Halle, H. G. Lunt, H. McLean and C. H. Van Schooneveld*. Hague, 1956. P. 449–457.

⁴ Житие Кирилла, гл. 4. *Лавров*. Материалы. С. 5. Ср.: *Флоря*. Сказания. С. 73. Вот точные слова Феоктиста Кириллу: «Приняв большую честь и княжение (вѣліи чѣсть и княжѣніе прїимъ), ожидай большего, ибо вскоре станешь и стратегом». Более тщательный разбор этих слов и сопоставление их с тем местом жития Мефодия, где говорится о звании Мефодия, возможно, помогло бы уточнить вопрос о том, в какой должности и какой областью ему надлежало управлять. Важнейшее, по моему мнению, на что следует обратить внимание, это то, как должно перевести славянское слово княжѣніе. Ср.: *Tachiaos. Some Controversial Points*. P. 50–51.

вет, что у него нет никаких карьерных притязаний, более всего его влечет знание и только знание. Однако за этим отказом вовсе не последовало удаление Кирилла из перечня лиц, которым Феоктист способствовал в занятии служебного поприща. Напротив, того, покровитель поспешил снискать благоволение императрицы Феодоры, чтобы назначить юношу на должность хартофилакса, то есть начальника патриаршей канцелярии. Ради этого Кирилла рукоположили во «чтеца», как и подобало для занятия должности патриаршего хартофилакса¹.

Впрочем, Кирилл не задержался надолго на этом достаточно высоком посту. Возможно, управленческая работа в патриархии не привлекла в должной мере его интереса, и потому он быстро просил отставку и удалился в некий монастырь на Босфоре, скорее всего в Клидийскую обитель (*Μονή τοῦ Κλειδίου*). Где-то поблизости жил в своем собственном доме иконоборец и бывший патриарх Иоанн Грамматик. В житии Кирилла приведена чрезвычайно интересная беседа догматического характера между ним и Иоанном,

¹ По поводу священного сана Кирилла учеными высказывалось много противоречивых мнений. См.: *Meuvaert P. и Devos P. Trois énigmes cyrillométhodiens de la 'Légende Italique', résolues grâce à un document inédit // AB 73. 1955. P. 375–461*, где доказывается, что он никогда не был епископом. Ф. Дворник предложил обстоятельную аргументацию в пользу того, что Кирилл был диаконом (*Les légendes. P. 46–67*). В том месте жития, где повествуется об отказе святого от правительственной должности, говорится: «Услышав ответ его, пошел Логофет к царице и сказал: "Вот философ юный не любит жизни этой, все же не отпустим его из (нашего) общества, но, постригши в клир, дадим ему службу, пусть будет библиотекарем у патриарха в Святой Софии, может, хоть так удержим его". И так с ним и сделали. Побыв с ними мало на той (службе), ушел на Узкое море (к Босфору) и скрылся тайно в монастыре, искали же его шесть месяцев, и едва нашли его, и, так как не могли принудить его к той же службе, умолили его принять сан учителя, учить философии своих и чужеземцев, со всякой поддержкой и помощью. И за это взялся» (Житие Кирилла, гл. 4. *Лавров. Материалы. С. 5; Флоря. Сказания. С. 73, 74*). Болгарский литургист В. Чифлянов в двух серьезных статьях (в которых, к сожалению, утверждения Ф. Дворника оставлены без внимания) утверждает, что Кирилл никогда не принимал священнического сана, но был просто посвящен во чтеца. См.: *Чифлянов В. Още за духовния сан на св. Кирил // Духовна култура XVII. 1977. №1. С. 23–32; его же. Пак за духовния сан на св. Кирил // Духовна култура LIX. 1979. №6. С. 1–9*. Его доводы выглядят весьма убедительно, и поэтому могут быть приняты.

посвященная вопросу о почитании святых икон¹, остро переживавшемуся в то время. Эта беседа смотрится несколько обособленно в общем контексте жития, вероятнее всего, составитель привел ее содержание на основании неких рукописных заметок самого Кирилла. Ее анализ позволяет сделать вывод, что Кирилл намеренно пожелал встретиться и обстоятельно побеседовать с бывшим патриархом, придерживавшимся иконоборческих взглядов, в надежде убедить его отказаться от еретической позиции.

Пребывание Кирилла в монастыре на Боспоре продолжалось не более шести месяцев. Настойчивое желание Феокиста привлечь талантливого юношу к служебной деятельности в столице вновь привело Кирилла в средоточие умственной жизни империи. Почти сразу на него были возложены обязанности «учителя, учить философии своих и чужеземцев» (ὁμιλῶντα καὶ διδάσκοντα τῶν ἐκ τῆς πόλεως καὶ τῶν ἐκ τῶν ἐξωτερικῶν χωρῶν)². Назначение на должность профессора последовало еще до 855 г., когда умер Феокист, и прежде основания знаменитой Магнаврской школы. Это означает, что Кириллу приходилось преподавать философию частным образом, хотя он получал за это плату от государства³. В известии, приведенном в житии, особого внимания заслуживает указание на то, что Кирилл преподавал также чужеземцам. Это свидетельствует о том, что молодым людям из стран, соседних с Византией, очевидно знатного происхождения, случалось приезжать в Константинополь ради получения высшего образования и приобщения к его духовным богатствам.

Преподавание философии не стало, однако, для юного профессора занятием продолжительным, и в скором времени его жизнь принимает новый поворот, определивший раз и навсегда характер его дальнейшего служения. Путь, открывшийся перед ним, посвя-

¹ Этой беседе, которая занимает всю пятую главу жития, посвящено исследование: *Γόνις Δ.* Ὁ διάλογος τοῦ Ἁγίου Κυρίλλου μετὰ τὸν Ἰωάννη τὸ Γραμματικὸ καὶ τὸ ὄνομα Ἰαννῆς. Ἀθήνα, 1989. См.: *его же*. Das Streitgespräch des hl. Kyrillos mit Johannes Grammatikos und die Namesform Jannis für Grammatikos // *Leben und Werk*. S. 21–32.

² Житие Кирилла, гл. 4. *Лавров*. Материалы. С. 5–6.

³ *Speck*. Die keiserliche Universität. S. 14–21.

шен дипломатии и миссионерской деятельности, которые в Византии были связаны друг с другом теснейшим образом. Поскольку император был защитником Православия и царствовал «по милости Божией», империя по самой своей природе стремилась к распространению христианской веры, полагая это своим священным долгом, обязательством, наложенным принятой на себя вселенской миссией. Поэтому дипломата, вступавшего в переговоры с врагами или «варварами», всегда сопровождал миссионер. Обычно там, куда проникало политическое или культурное влияние вселенской империи, появлялась и православная вера, на которой основывалась ее политическая идеология¹. Этот двойственный аспект миссионерской деятельности — политический и религиозный — зачастую остается непроявленным историческими источниками, в том числе и теми, которые относятся к деятельности Кирилла и Мефодия. Разделительная черта между дипломатической и религиозной деятельностью никогда не была проведена сколько-нибудь отчетливо.

Вступление Кирилла в мир миссионерства произошло при достаточно запутанных исторических обстоятельствах, ему исполнилось тогда всего лишь 24 года. Для разрешения спорного вопроса, возникшего в византийско-арабских отношениях, было отправлено посольство, куда вошел и Кирилл. Юный арабский халиф аль-Мутаваккил (847–861) вторгся на византийскую территорию; это и привело немедленно к необходимости возобновления дипломатических отношений между Византией и Арабским Халифатом². Отец аль-Мутаваккила халиф аль-Мутасим, из Аббасидской династии, в 836 г. перенес столицу Халифата из Багдада в Самарру, древний ассирийский город, располагавшийся в верхнем течении Тигра, приблизительно в шестидесяти милях к северу от древней столицы. Самарра оставалась центром Халифата до 892 г. В ней были построены новые дворцы и мечети, придававшие ей

¹ См.: *Christou P.C.* Who sent Cyril and Methodius into Central Europe, the Emperor or the Patriarch? // *Legacy*. P. 109–115.

² Об обстоятельствах этой миссии св. Кирилла см.: *Dvornik*. *Byzantine Missions Among the Slavs*. Appendices. P. 285–396. Ср.: *Meyendorff J.* *The Byzantine Legacy in the Orthodox World*. Crestwood, N.Y., 1982. P. 89–114.

величие и красу¹. Сюда-то и прибыл Кирилл с другими византийскими посланниками для ведения переговоров. Среди посланников был и, скорее всего, возглавлял их *асикритис* Георгий².

Составитель жития Кирилла строго придерживается особенностей агиографического жанра, поэтому дипломатический статус миссии в его изложении совершенно теряется на фоне захватыва-

Святой Кирилл. Фрагмент росписи в церкви Святой Софии в Охриде (ок. 1045)

ющего описания миссионерской стороны дела. Согласно его повествованию миссия была послана потому, что арабы отрицали триипостасность Бога, и, стало быть, Кирилл прибыл к ним ради опровержения их еретических учений. Едва ли подобное обстоятельство само по себе могло послужить причиной прибытия посланников, однако не вызывает сомнений, что в Самарре им довелось вести богословские и научные споры. Это видно уже из обстоятельства повествования об этом, а также по ряду приведенных в нем подробностей, по всей видимости основанных на дневниках или записях, которые ве-

лись во время данных споров. Хотя собеседования Кирилла с арабами вращаются в основном вокруг богословских тем, нельзя не обратить внимания на их настойчивые, обращенные к нему призывы, чтобы византийцы хотя бы символически заплатили какую-нибудь дань в знак покорности. Это показывает, что бого-

¹ Укрепление Аббасидской династии и культурный и духовный расцвет Халифата со столицей в Самарре описываются в работе: *Hitti P.K. History of the Arabs from the Earliest Times to the Present*. N.Y., 1951. P. 317–428.

² Житие Кирилла, гл. 6. Миссия Кирилла у арабов и его беседы с ними занимают всю эту главу.

словеские темы входили в повестку дня наряду с дипломатическими и что Кирилл не забывал ни о том, ни о другом.

Арабский халифат в Самарре не был лишь эфемерным, случайным явлением своего времени. Как и для Византии, IX в. стал для арабского мира временем подлинного духовного подъема; углубление знакомства с окружающими арабов культурными народами позволило им наконец выйти из пустыни, на протяжении веков воздействовавшей на общий склад их мыслей и чувств. Именно в этом веке произошел небывалый расцвет арабской письменности и искусств. Арабы обнаружили, что живут в окружении древних и развитых цивилизаций и вознамерились собрать все плоды, какие они могли от них получить. Они приступили к переводу книг с персидского, сирийского, санскрита, но, прежде всего, с греческого языка. Труды Аристотеля, Платона, неоплатоников, Птолемея, Галена и других великих греческих мыслителей были переведены на арабский язык, в основном христианскими сирийскими учеными. Математика, астрономия, врачебное искусство, живопись стремительно развивались. Тогдашняя столица Халифата, Самарра, сосредоточивала в себе всю эту деятельность. Росписями прекрасного халифского дворца занимались византийские художники, которые не уstraшились изобразить среди прочего христианский храм и монахов. В прибавление ко всему этому успешно развивалось и богословие, ограниченное, правда, одним только рационалистическим направлением. По преданию, халиф аль-Мамун увидел во сне Аристотеля, сказавшего ему, что нет никакого различия между рациональным умозрением и религиозным законом.

Вот какова была атмосфера, преобладавшая в Самарре, когда Кирилл прибыл в нее для ведения переговоров. Арабы больше не ощущали какой-либо ущербности по сравнению с византийцами, ни в материальном благосостоянии, ни в знаниях. В житии Кирилла признается высокий уровень их образованности: «На трапезе сидели арабы, мужи умные и начитанные в геометрии, и в астрономии, и в других науках». Похоже, что споры велись во время долгих торжественных застолий. Поначалу велись беседы на богословские темы, но впоследствии обсуждались и другие

вопросы¹. Арабы всячески старались испытать Кирилла и были поражены до глубины души обширностью его познаний. После безуспешной попытки удивить его своими собственными знаниями они вдруг спросили: «Как ты можешь знать все это?». Кирилл сначала ответил притчей, а завершил свою речь знаменитым изречением, в котором выражена вся самонадеянность византийской мысли: «все искусства вышли от нас» (а ѿтъ наст ꙗꙋтъ къ ся хꙋдѣжѣствѣа ншла)². В завершение гостей провели по величественным дворцам Самарры и по ее роскошным садам, желая напоследок еще раз удивить посланников из Византии воистину чудесным созданием рук человеческих.

¹ Беседы Кирилла с арабами в том виде, в каком они дошли до нас в житии, представляют особый интерес для изучения византийского миссионерства и богословских споров с мусульманами. По всей видимости, в житии использованы записи, которые вел или сам Кирилл, или, не могло ли так быть, писарь, находившийся при миссии, а впоследствии сопровождавший его до конца жизни. Житие сообщает также довольно странную историю о том, что арабы, когда они поняли, что им не удалось удивить Кирилла своими богатствами, познаниями и науками, будто бы попытались его отравить. В покушение на жизнь члена официального посольства поверить трудно. Вполне можно предположить какое-нибудь пищевое отравление, достаточно частое явление в странах с жарким климатом, в котором лица, сопровождавшие Кирилла, заподозрили злой умысел арабов.

² Житие Кирилла, гл. 6. *Лавров*. Материалы. С. 10; *Флоря*. Сказания. С. 76. За этими словами Кирилла стоит отчетливое осознание культурного превосходства Византии над соседними народами. В дальнейшем мы увидим, что славянский правитель Ростислав признавал это превосходство. См.: *Marečkova D.* Moravské poleství do Sařihradu jako řeckí dokument // *Slovo* 18–19. 1969. P. 109–140.

Глава 3

В безмолвии горы Олимп

Однако бурный и деятельный период жизни Кирилла вдруг завершился, его ждало новое и, можно сказать, неожиданное состояние безмолвия и уединения. Скучны и сбивчивы свидетельства жития о тех обстоятельствах, которые переменили жизненный путь будущего просветителя славян. Вот, что сказано: «Но, по прошествии немногого времени, он снова оставляет все земное и водворяется в одном пустынном месте, не имея никаких попечений, в полной самососредоточенности, не отлагая ничего на завтрашний день, кроме раздачи всего, что он имел, бедным...»¹. Далее повествуется, что, живя с одним только слугой, Кирилл претерпевал лишения и нищету. И когда он проводил такую жизнь, уединившись и внимая себе, вдруг предстал ему брат его Мефодий, всего несколько лет назад принявший на себя достоинство правителя (*архонта*) некоей провинции, где жило славянское население. На этот раз и Мефодий появился в ином облике, он был всего лишь монахом одного из бесчисленных монастырей горы Олимп в Вифинии.

Подпись к илл.: Гора Олимп. Современный вид.

¹ Житие Кирилла, гл. 7. *Лавров*. Материалы. С.10–11; *Флоря*. Сказания. С. 77.

Такая неожиданная перемена в жизни двух братьев неизбежно ставит нас перед вопросом: что же привело их к этому? Какие события побудили их столь внезапно оставить государственное и ученое поприще и удалиться из мира, одному избрать монашество, а другому уединение и безмолвие? Некоторые ученые полагают, что резкие изменения в частной жизни двух братьев связаны с общими изменениями, происходившими тогда в государственной жизни Византии¹. Впрочем, по возвращении из Арабского Халифата у Кирилла оставалась возможность, как и прежде, заниматься преподавательской деятельностью, сохранив государственное жалованье. Это могло бы продолжаться, по меньшей мере, до тех пор, пока в 855 г. великий логофет Феоктист, покровитель обоих братьев, не был лишен жизни в результате заговора, устроенного против него кесарем Вардой, братом императрицы Феодоры. Впоследствии Варде удалось устранить от власти сестру и снискать всецелое благоволение и доверие императора Михаила III, своего племянника. Оба солунских брата, находившие с юных лет безусловную поддержку со стороны Феоктиста, не только остались без высокого покровителя, но и были совершенно беззащитны перед опасностью, заключавшейся для них в самом факте бывшего покровительства. После гибели Феоктиста братьев либо сразу лишили занимаемых ими мест, либо они поспешили оставить их сами, боясь привлечь на себя немилость нового правителя.

Однако вполне возможно, что события развивались и не совсем так: кесарь Варда вовсе не питал к братьям враждебных чувств, напротив того, даже намеревался предоставить им новое поле деятельности. Не такими уж они были в то время высокопоставленными фигурами, чтобы их непосредственно могли затронуть чистки и государственные перевороты. И, быть может, их уход в безмолвное уединение скорее свидетельствует о подготовке к чему-то совершенно новому, и в ближайшем будущем их уже ожидали некие значительные события. Все это, несомненно, в какой-то мере связано с решением Мефодия принять монашеский постриг. Пришла пора и младшему брату принять участие в планах империи, уготованных для них обоих. В славянском житии

¹ *Dvornik. Byzantine Missions. P. 63–64.*

Мефодия так изложены перемены в его жизни: «После того, как он провел многие годы в должности управляющего и увидел много беспорядочных волнений этой жизни¹, он поменял тьму мирской жизни на вожделение небесных помышлений, потому что не желал беспокоить свою бесценную душу предметами, не наследующими вечность. Как только представился удобный для этого момент, он отказался от дел управления и удалился на гору Олимп, где живут святые мужи, после чего, став монахом, облекся в черные одеяния и нес послушание с покорностью, полностью выполняя свое монашеское правило, в то время как оставался предан изучению книг»². Близкое к этому свидетельство находим в житии Кирилла: «Затем он пришел к своему брату Мефодию на гору Олимп и стал жить в непрестанной молитве к Богу, занимаясь только книгами»³. Впрочем, в отличие от Мефодия Кирилл не принял тогда монашеского пострига — он постригся лишь незадолго до смерти, — но просто жил монастырской жизнью и, подобно брату, занимался чтением или переписыванием книг⁴.

¹ «...н ѿздыѣ многы мѣлы бѣшныи въ житии «иде...» (Житие Мефодия, гл. 3. Лавров. Материалы. С. 71). Это весьма загадочное выражение не похоже на простую фигуру речи, которая употреблена составителем жития, и требует мало-мальски разумного объяснения. Если бы удалось доказать, что «беспорядочные волнения» связаны с военными действиями или демографическими процессами, тогда, может быть, мы смогли бы точнее определить местоположение княжества, которым управлял Мефодий. Ср.: *Tachiaos. Some Controversial Points*. P. 60–61.

² Житие Мефодия; гл. 3. Лавров. Материалы. С. 71. Ср.: Флоря. Сказания. С. 96.

³ Житие Кирилла, гл. 7. Лавров. Материалы. С. 11. Ср.: Флоря. Сказания. С. 77.

⁴ «...тѣмъ кнѣгамъ бѣдѣу...» (Житие Кирилла, гл. 7. Лавров. Материалы. С. 11). В дословном переводе это выражение подобало бы передать как «беседуя только с книгами», что едва ли приемлемо по смыслу. Вайян (*Vaillant. Manuel du vieux-slave. Vol. II. P. 28*) полагает, что греческим прототипом было выражение *μόνον ταῖς γραφαῖς ἐντυγχάνων* («только с Писаниями занимаясь»). Объяснение его, несомненно, разумно; но в то же время ему кажется странным славянский синтаксис (поскольку без видимой причины предлог «с» употребляется с творительным падежом). Думается, что вполне возможно подразумевать здесь не только Священное Писание, но и вообще «книги». Переводчики на английский язык жития Кирилла и жития Мефодия М. Кантор и Р.С. Уайт (*Kantor M., White R. S. The Vita of Constantine and the Vita of Methodius. University of Michigan, 1976. P. 21, 73 [Michigan Slavic Materials 13]*) разделяют толкование Вайяна, а Б.Н. Флоря (Флоря. Сказания. С. 77) переводит более корректно — «книги».

Удаление обоих братьев на Олимп Вифинский и привязанность их к книгам, удостоившаяся в житийных свидетельствах особого упоминания, ведут нас в довольно таинственный, но безусловно новый и весьма знаменательный период их жизни. В окружении значительных городов, таких, как Кизик, Милет, Аполлония, Кесария, а ближе всех Пруса, Олимп был весьма крупным и прославленным монашеским центром во внутренней Малой Азии. Отшельнические келлии и монастыри появились здесь уже на самом рассвете христианской истории, а в дальнейшем аскетическая жизнь достигла своей вершины в VIII в., когда умножилось не только число обителей, но и просияло своими подвигами множество преподобных¹. Имена последних не остались в неизвестности, свидетельства об их жизни и добродетелях вошли в синаксари, ставшие бесценными источниками для исследования монашеской жизни в этой местности. Наиболее знаменитым и прославленным был святой Иоанникий Великий (754–846)², с его учениками наверняка встречались Кирилл и Мефодий, когда пришли на Олимп. Из монастырей самым значительным был монастырь Агавру (Μονὴ Ἀγαύρου), в зависимости от него состояло еще несколько обителей. По общему направлению монастыри и отшельнические келлии Олимпа противостояли знаменитому Студийскому монастырю в Константинополе, там утверждался строгий общежитийный устав и культивировалась книжность, в Вифинии же преобладала вдохновенная атмосфера аскезы и подвижничества в сочетании с независимостью иноков.

Малоазийский Олимп был христианским, в отличие от одноименного ему древнего языческого в Македонии. Он находился в феме Опсикий, название ее произведено от латинского слова obse-

¹ О Вифинском Олимпе и его монастырях см.: *Dvornik. Les légendes de Cyrille et de Méthode*. P. 127–147; *Janin. Les églises et les monastères*. P. 127–191; *Лопарев Хр. Византийские жития святых VIII–IX вв.* // ВВ XVIII. 1911. С. 67–137.

² Сохранилось два жития св. Иоанникия, почти неотличимых друг от друга. См.: PG 116, 35–92; ВНГ, № 935–937. О возможном славянском происхождении св. Иоанникия, славянах в Вифинии и о том, что о них известно по житиям, см.: *Mango C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians* // *Oceanos: Essays Presented to Ihor Ševčenko on His Sixtieth Birthday*, ed. by C. Mango, O. Pritsak. Cambridge, MA, 1984. P. 393–404 и *Vryonis S. St. Ioannikios the Great (754–846) and the 'Slavs' of Bithynia* // *Byzantion* 32. 1961. P. 245–248.

quum, означавшего особый оборонительный отряд, сопровождавший императора в походах и нередко предшествовавший ему¹. До конца VII в. область Вифиния известна была как «епархия Вифинцев» (ἡ τῶν Βιδυνῶν ἐπαρχία), но с VIII в. она стала именоваться фемой Опсикий. Во главе этой фемы стоял не стратег, как тогда было принято, а «патриций и комес Опсикия». В VII и VIII вв. в этой феме происходили определенные демографические процессы, не оставшиеся без последствий. В 688–689 гг. император Юстиниан II совершил военный поход в области, захваченные славянами и болгарами. Он дошел до Фессалоник и пленил большое число славян, а другие славяне последовали за ним по доброй воле. Всех этих славян Юстиниан, проведя через Абидос, расселил в пределах фемы Опсикий². Затем, в том же году, из числа этих славянских орд император набрал тридцать тысяч солдат, вооружил их, назвал «народом, взятым в удел», и поручил командовать над ними некоему полководцу Небулу. Сам факт набора тридцати тысяч воинов свидетельствует о том, что общее число славян, переселенных в Опсикий, было намного большим.

Массовое переселение славян в Малую Азию происходило и прежде. Уже в 665 г. император Константин II переселил туда пять тысяч славян, император Юстиниан II шел по проторенному пути³. Он попытался использовать воинов славян в походе против арабов, но ему довелось весьма сильно разочароваться в них. Предводитель арабов подкупил Небулу, и тот с двадцатью тысячами славянских воинов перешел на сторону врага. Юстиниан жестоко отомстил, истребив их жен и детей, живших поблизости от

¹ Относительно возникновения округа Опсикия см.: *Κυριακίδης, Βυζαντιναὶ Μελέται*. Σ. 381–388.

² Феофан в своей «Хронографии» сообщает в связи с этим следующее: «В сем году Юстиниан II имел поход против славян и болгар; встретившись с болгарами на настоящее время прогнал их. Прошедши до Фессалоник, он захватил великое множество славян силою оружия, а тех, которые отдавались добровольно, переселил в страны Опсикия за Абидосом». *Theophanes. Chronographia / ed. de Boor. Vol. I. P. 364.* (Рус. пер.: *Летопись византийца Феофана*. М., 1884. С. 267). Ср.: *Ζαχυθηνός, Βυζαντινὴ Ἱστορία 324–1071*. Athens, 1972. Σ. 134; *Ostrogorsky G. History of the Byzantine State*. New Brunswick, NJ, 1957. P. 117; *Charanis P. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // DOP 13*. 1959. P. 25–44.

³ Ср.: *Soustal P. Thrakien (Thrace, Rodope und Haimimontos) // Tabula Imperii Byzantini 6*. Vienna, 1991. P. 74–86.

Никомидийского залива. Нет надобности говорить, что эта жестокая расправа не коснулась всех славян Малой Азии¹, многие из них вполне прижились на новом месте и оставались там вплоть до времени появления Кирилла и Мефодия на Олимпе. В надписи на византийской печати 694 или 695 г. упоминается некий правитель «порабощенных славян Вифинской епархии» (τῶν ἀνδραπόδων τῶν Σκλάβων τῆς Βιθυνῶν ἐπαρχίας)². А в последовавшем затем восьмом столетии, в 762 г., великое множество славян числом двести восемь тысяч оставили Болгарию и добровольно переселились в Вифинию, в район реки Артан, западнее реки Сангария³. Прежде

¹ Ученые неоднократно обсуждали вопросы расселения славян в Вифинии и спорили относительно присутствия их там во времена Кирилла и Мефодия. Так, П. Харанис (*Charanis P. The Slavic Element in Byzantine Asia Minor in the Thirteenth Century // Byzantion* 18. 1946–1948. P. 70) полагает, что Юстинианом II были уничтожены все славяне, хотя в известных нам свидетельствах нет надлежащей ясности по этому поводу. Именно поэтому Кириакидис утверждает: «То, что эта расправа не была всеобщей и что оставалось немало славян, приписанных к Опсикю, подтверждается тем, что впоследствии Константин Багрянородный упоминал о них в 949 г. во дни похода против Крита под руководством Гонгила» (*Кириаκίδης. Βυζαντιναὶ Μελέται. Σ.* 558). Более подробные сведения о заселении Вифинии славянами при Юстиниане II см.: *Head C. Justinian II of Byzantium. The University of Wisconsin Press, 1972. P. 41–44.* Такое же мнение и Г. Литаврина, который пишет: «Скорее всего какая-то часть (и, по всей вероятности, значительная) славянских переселенцев — в качестве устрашающего для остальных примера — была действительно казнена, но, конечно, далеко не все. Версию о поголовном истреблении славян историки, как правило, отвергали». *Литаврин Г. К вопросу о вифинских славянах // Старобългаристика XVIII. 1994. С. 42.*

² Эту печать обнаружил и опубликовал В. А. Панченко (*Панченко В. А. Памятник славян в Вифинии VII века // ИРАИК VIII. 1903. С. 15–62.* Однако он ошибочно ее датировал; правильную датировку см.: *Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. P. 117. Прим. 2.*

³ Так пишет патриарх Никифор. Закифинос находит эту цифру преувеличенной, в чем, возможно, и прав (*Заκυφίνος. Βυζαντινὴ Ἱστορία. Σ.* 175); тем не менее, не подлежит сомнению сам факт нахождения там довольно значительного числа славян. Вообще о славянах в Малой Азии см. также: *Μαλιγκούδης Φ. Σλαβικά ονόματα ἀπὸ τῆς βυζαντινῆς Βιθυνίας // Ελληνικά* 31. 1972. Σ. 494–496; *Maricq A. Notes sur les Slaves dans le Péloponnèse et en Bithynie et sur l'emploi de 'Slave' comme appellatif // Byzantion* 22. 1952. P. 357–472; *Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen in Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus // Berliner Byzantinische Arbeiten* 48. Berlin, 1978. S. 73–76; *Барушић Ф., Рајковић М., Крекић В., Томић Ј.* Византијски извори за историју народа Југо-славије. Т. I. Београд, 1955. С. 226–230.

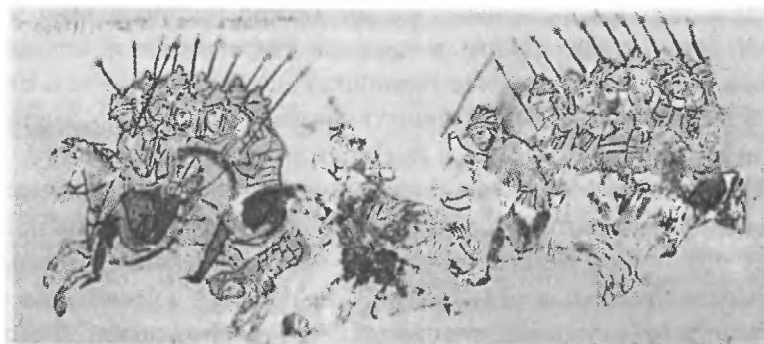
существовавшее в этих местах славянское население еще более возросло и распространилось по всей Вифинии с востока до запада.

Расселение в окрестностях Олимпа сотен тысяч славян, а число их, бесспорно, умножилось ко времени прихода туда солунских братьев, неизбежно заставляет задуматься над вопросом: если столько преподобных мужей подвизались и учили в Вифинии, возможно ли, чтобы славяне совершенно не испытали на себе их духовного воздействия? До нас дошли исторические свидетельства о том, что уже в следующем веке некоторые из славян, временно поселившихся в окрестностях Иериссоса, стали монахами на Святой Горе Афон¹. Эти неоспоримые факты дают определенное основание для уверенности, что подобное, притом еще с большей вероятностью, могло произойти и в Вифинии. Значит, несколько не погрешая против истины, вполне можно предположить, что среди монахов, населявших монастыри Вифинии, были славяне. Даже в жилах самого святого Иоанникия Великого могла течь славянская кровь, ведь прежде принятия монашества он прославился как византийский полководец именно в войне против болгар.

Присутствие Мефодия в Вифинии ставит нас перед множеством вопросов, ответ на которые нам неясен. Почему он, бывший ранее правителем некоего княжения, где жили славяне, отказавшись от должности, избрал Олимп, а не предпочел какой-либо из знаменитых монастырей, расположенных в окрестностях Фессалоник или Константинополя? Может быть, княжение, которым управлял Мефодий, как раз и находилось здесь, в Вифинии? Возможно, он с переменой образа жизни не стал изменять места пребывания, но остался жить там же? Существуют некоторые аргументы в пользу такого предположения. Если в Македонии славяне все еще представляли собой более или менее неорганизованные массы, то в Вифинии, напротив, существовало войско из славян под византийским управлением. Это соображение увеличивает вероятность того, что Мефодий служил именно здесь, занимая

¹ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern der Heiligen Berge. München, 1948. S. 289. № 107; *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // BS XI. 1947–1948. С. 57.

должность комеса Опсикия. Другим фактором, поддерживающим наше предположение, может быть то, что в 821 г. «турмарх федератов» в Малой Азии Фома Славянин восстал против византийского императора и подвигнул к бунту множество людей, в том числе, естественно, и славян. Это восстание было социальным, нежели национальным по характеру. Оно продолжалось почти два года и сильно потрясло империю, для его усмирения пришлось обратиться за помощью к болгарам. Продолжатель византийского хронографа Феофана, повествуя об этих событиях, не скрывает пренебрежительного тона, когда говорит о происхождении Фомы, который вел свой род «от незначительных и бедных родителей, к тому же славян, чья кровь многократно перемешивалась на востоке»¹. И в другом месте он называет Фому «варваром

Болгарский правитель Омуртаг, обращающий в бегство мятежников под предводительством Фомы Славянина в 823 г.
Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы

по роду». Достаточно вспомнить еще Небула, перебежавшего к арабам, чтобы понять степень недоверия к славянам-военачальникам. Мефодий же со своей безупречной греческой родословной был ревностным верноподданным империи, на него вполне можно было положиться. Впрочем, свидетельства, которые могли бы

¹ *Theophanes Continuatus. Chronographia* / ed. Bekker. P. 50. Ср.: Византийски извори за историју народа Југославије. Т. I. С. 273–275, где приведена соответствующая библиография.

подкрепить эту точку зрения, будут представлены далее. В данный же момент нам следует особо обратить внимание на широкое распространение славян в Малой Азии и особенно в Вифинии, а также на то, что солунские братья, уединившиеся на Олимпе, который со всех сторон был окружен славянами, более всего занимались чтением и переписыванием книг.

Глава 4

Новая миссия

Братьям не удалось продлить своего пребывания в затворничестве у горы Олимп на многие годы. Оба жития согласно передают нам известие о том, что уже осенью 860 г. они приняли участие в миссии в страну хазар. Согласно свидетельству житий, хазарский каган направил к императору Михаилу III особых представителей, рассказавших ему, что народ их все еще придерживается древней религии, которая предписывает им поклоняться восходящему солнцу и соблюдать некоторые другие обычаи. В настоящее время евреи настойчиво уговаривают принять иудаизм, не отстают и арабы, которые, прельщая подарками, навязывают свою веру. Хазары поэтому пришли искать у византийцев совета: они умоляли прислать к ним в землю какого-нибудь образованного человека и обещали обратиться в христианство, если тому удастся опровергнуть доводы евреев и арабов. Император тотчас отдал распоряжение призвать к себе Кирилла, повелел ему идти в Хазарскую землю и, пришедши туда, вести богословские споры, особо отметив, что «никто другой не сможет этого совершить достой-

Подпись к илл.: Перешеек Перекоп, соединяющий Таврический полуостров с материком. Литография 1838 г.

нее». Кириллу разрешено было взять с собой в качестве помощника старшего своего брата Мефодия.

За скромной безыскусностью повествования, несомненно, скрывается более существенное обстоятельство немалого значения. Хазары были народом тюркского происхождения, жившим на север от Каспийского моря¹. Уже с давних времен вступив в дружественные отношения с Византией (по простой причине, что не представляли для нее никакой угрозы), хазары использовались ею в качестве предохранительного щита от нападений русов, ставших общим врагом для них и для византийцев. Подобная ситуация сложилась и с арабами, которые постоянно угрожали с востока как хазарам, так и Византии. Дружественные отношения хазар с Византией развились мало-помалу до такой степени, что в 833 г. их каган просил императора Феофила построить крепость в верхнем течении реки Дон. Для исполнения этого поручения Феофилом был послан придворный чиновник (*spatharocandidatus*) Петроний Каматир, построивший крепость в городе Саркел, нынешнем Цимлянске. Эта крепость должна была защищать хазар от нападений русов и венгров-мадьяр и одновременно обезопасить византийские владения на Таврическом полуострове. В том же году Феофил основал фему Херсонес для обеспечения целостности византийских владений в этой области. В 860 г. русы — или «рос», как византийские источники называли далеких жителей севера, ходивших походами на славянский юг, — напали на Константинополь, пройдя через земли хазар, к тому времени завладевших Крымом. Угроза от русов и была главной причиной возобновления договора Византии с Хазарией, и именно с ее появлением следует связать направление миссии солунских братьев в страну хазар. Со всем не исключено, что наряду с ней могли существовать и какие-либо иные причины, например, заступничество за христиан, живших в Хазарии, и забота об улучшении их положения. По вполне

¹ Библиография о хазарах, об их связях с Византией и о миссии к ним Кирилла и Мефодия весьма обширна. Основным до сих пор остается труд *М.И. Артамонова* (История хазар. Ленинград, 1962). Вопрос о миссии солунских братьев к хазарам обсуждается на с. 324–335. Ср.: *Dvornik. Les légendes*. P. 148–211, где рассматриваются связи хазар с Византией.

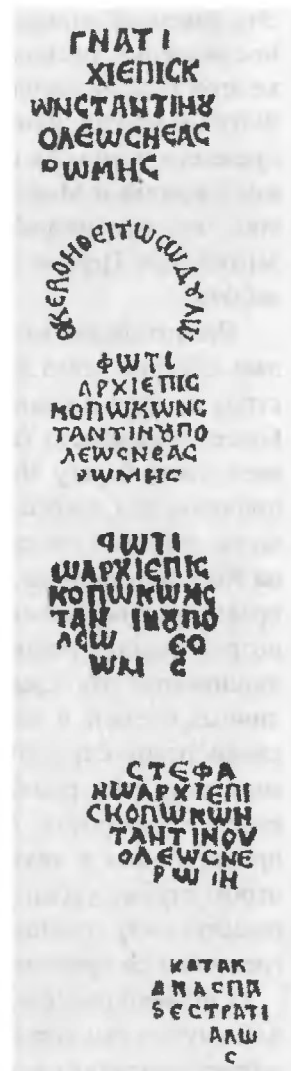
Патриаршие печати,
найденные в Херсо-
несе. Они неоспоримо
свидетельствуют
о том, что между
V и X столетиями
по Р.Х. греческое при-
сутствие в Крыму
было весьма значи-
тельным

понятным причинам в житиях Кирилла и Мефодия подчеркнута только богословская и религиозная сторона этой миссии. Но, как бы там ни было, главой миссии был назначен Кирилл.

Сам по себе факт, что император называл Кирилла единственным человеком, способным успешно исполнить задачи, поставленные перед этой миссией¹, служит указанием на полученную им особую подготовку, которую принимали во внимание на имперской службе. Старшему брату его, Мефодию, на протяжении нескольких лет занимавшему достаточно высокий государственный пост, надлежало быть всего лишь помощником Кирилла. В *Итальянской легенде*, латинском свидетельстве о деятельности солунских братьев, сообщается, что император послал их в Хазарию после совещания с патриархом².

¹ Житие Кирилла, гл. 8. *Лавров*. Материалы. С. 11; *Флоря*. Сказания. С. 77. Составитель жития, со свойственной ему манерой, особо подчеркивает умение Кирилла вести богословский спор, почему и пишет, что император послал его к хазарам со следующими словами: «Иди, Философ, к людям тем, дай им ответ и поведай о Святой Троице, с Ее помощью, ибо никто другой не может этого достойно совершить».

² «Тогда император после совещания с патриархом сразу призвал вышеупоминавшегося философа и, в сопровождении посланников их и своих, с почестями направил его туда, ни в коей мере не сомневаясь в его благоразумии и красноречии» (“Tunc imperator, simul cum patriarcha consilio habito prefatum Philosophum advocans, simul cum legatis illorum ac suis honorifica transmisit illic, optime confidens de prudentia et eloquentia eius”. *Grivec-Tomšič*. *Constantinus et Methodius Thessalonicensis*. P. 59).

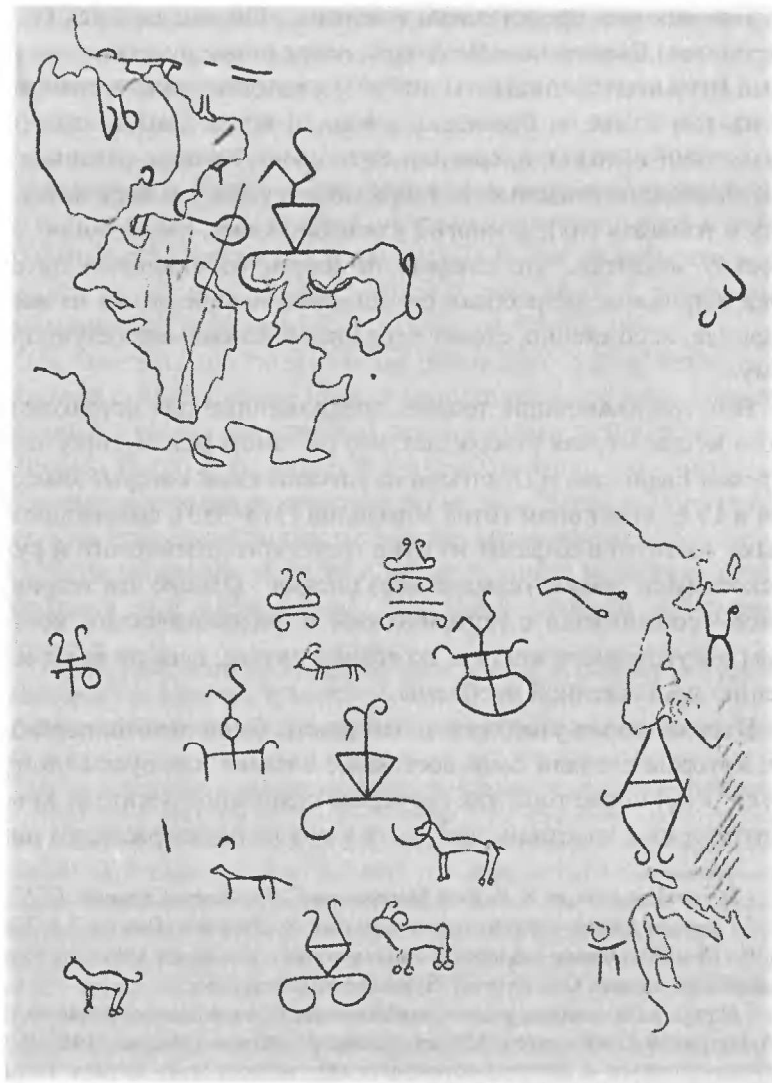
Патриаршие печати, относящиеся к 847–941 гг.

Среди них печати константинопольских патриархов Игнатия (847–858 гг.), Фотия (877–886 гг.) и Стефана (886–893 гг.)

Это известие, вполне заслуживающее доверия, имеет особо важное значение, поскольку указывает на заинтересованность в успехе этой миссии государства и Церкви. Патриархом в то время был Фотий Великий, учитель Кирилла, который ставил высоко своего прежнего ученика и относился к нему с полным доверием. Избрание Кирилла и Мефодия для хазарской миссии свидетельствует о том, что при разработке общего плана внешней политики Византийской Церкви и государства их яркие дарования не были забыты.

Византийская миссия была направлена в Хазарию и возвратилась обратно через Херсонес. То обстоятельство, что для путешествия не избрали какого-либо другого пути, вполне возможного и более безопасного (например, через Лазику, расположенную на восточном берегу Черного моря), указывает на наличие особой причины для такого двукратного посещения Херсонеса, а также на то, что само это посещение входило в план миссии. Нападение на Константинополь, предпринятое русами в 860 г., обеспокоило правительство Византии и стало одной из неотложных проблем, потребовавших незамедлительного вмешательства императорской дипломатии. На Крымском полуострове жило тогда немало различных племен, в том числе и славянских, язык их был одним из самых распространенных в этих местах. Следовательно, и с русами можно было разобраться только в более общем контексте «славянского вопроса». Несомненно, византийские посланники, направлявшиеся к хазарам, дважды проследовали через Херсонес, чтобы глубже уяснить основные проблемы этой области, а также оценить силу и общее положение местной Церкви, которая была греческой со времени своего основания.

Согласно свидетельству жития, Кирилл по прибытии в Херсонес выучил там еврейский язык и даже составил еврейскую грамматику, разделив ее на восемь частей, несомненно по образцу греческой. Затем он встретил некоего самарянина, жившего в тех местах, принесшего ему «самарянские книги» (по всей видимости, Библию), и Кирилл, к великому удивлению этого человека, довольно скоро научился читать их. Третье напоминание, также касающееся иностранного языка, до сих пор остается загадочным и породило впоследствии немало споров в научном мире.

Образчик таинственных сарматских знаков, нацарапанных на камнях, найденных на северном побережье Черного моря. Некоторые исследователи полагают, что они представляют собой образец древнейшей письменности, использовавшейся славянами до изобретения Кириллом глаголического письма

Вот как оно представлено в житии: «Он нашел здесь (т. е. в Херсонесе) Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами (русьскѣмъ пнсьмѣнѣ пнсьмѣнѣ), и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи (снлѣу рѣчѣи пѣнѣмъ), и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога»¹. Поскольку известно, что славяне не имели собственного письма, пока Кирилл не разработал его для них, данное место из жития Кирилла, несомненно, ставит перед нами весьма непростую проблему.

Вот три важнейшие теории, предложенные для истолкования этого места. Первая утверждает, что на самом деле Кирилл нашел перевод Евангелия и Псалтыри на готский язык, который был сделан в IV в. епископом готов Ульфиллой (318–383), создавшим для языка вест-готов алфавит из букв греческого, латинского и рунического (или древне-германского) письма². Однако эта теория не совсем соотносится с историческим и филологическим контекстом обсуждаемого места и, во всяком случае, едва ли ведет к решению поставленной проблемы.

Вторая теория утверждает, что тексты были некими переводами, которые сделали сами восточные славяне или руссы (по-гречески Ῥῶς) после того, как греческие священнослужители Крыма обратили их в христианство³. Хотя и она не подтверждается ника-

¹ Житиѣ Кирилла, гл. 8. *Лавров*. Материалы. С. 12; *Флоря*. Сказания. С. 77, 78.

² Главным приверженцем этой теории был Ф. Дворник (*Dvornik*. *Les légendes*. P. 184–189). Однако позднее он отошел от нее и склонился в сторону теории о сирийском письме. См.: *Dvornik*. *Byzantine Missions*. P. 66.

³ Одним из последних ученых, высказывавшихся в пользу этой теории, был В. А. Истрин. В своей книге «1100 лет славянской азбуки» (Москва, 1988. С. 94–134) он ссылается и на предшествующих сторонников этого взгляда. Близкие позиции занимает и Е. Георгиев (*Georgiev E.* *Die Anfänge des literarischen Lebens und die ersten Literaturschulen bei den Slaven // Aus der Geisteswelt der Slaven. Dankesgabe an Erwin Koschmieder*. München, 1967. S. 102–106; *его же*. *Письменность Рoccoв // Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863–963*. Cologne-Graz, 1964. P. 372–381). Следует отметить, что Е. Георгиев принадлежал к числу немногих ученых, которые были убеждены в том, что кириллическое письмо предшествовало глаголице.

кими историческими свидетельствами из других источников, или сколько-нибудь неопровержимыми доказательствами, все же ее основывают на определенных фактах, заслуживающих того, чтобы их привести. Во-первых, следует принять во внимание сведения о первом славянском письме, которые сообщает болгарский автор начала X в. Храбр: «Прежде славяне, когда они язычниками, не имели письмен, но [читали] и гадали с помощью черт и резов (УРЪТАМН Н РЪЗАМН УТЪХЪЛ Н ГАТАХЪЛ)¹. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка»².

Эти сведения, не подлежащие сомнению, определенно подтверждают существование письма некоего рода как в дохристианский, так и в раннехристианский период славянской истории.

Другим фактом, на который опираются защитники этой теории, является находка на северном побережье Черного моря (в том числе и на Крымском полуострове) сосудов и керамических изделий с таинственными чертами и знаками, никак не связанными с известными нам алфавитами³. Подобные знаки и начертания

¹ Относительно указаний Храбра см. также заметку В. Семенова в журнале: *Paleobulgarica* VII. 1983. №2. Р. 84–87.

² Джамбелука-Коссова А. Черноризец Храбър. О письменѣхъ. София, 1980. С. 113–114.

³ Об этих находках и некоторых попытках соотнести их с глаголицей или с каким-либо иным письмом см.: Константинов Н.А. Черноморские загадочные знаки и глаголица // Ученые записки Ленинградского Университета. Серия филологических наук. Вып. 23. Ленинград, 1957. Н.А. Константинов был пылким сторонником теории появления славянского письма еще до создания Кириллом алфавита; этот взгляд он отстаивал и в своих ранних публикациях, и с ним соглашался тогда В.А. Истрин (см. сноску 3. на с. 66). Достоин внимания исследование о «загадочных знаках» Черного моря археолога Е.И. Соломоника: *Соломоник Е.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев, 1959. Ср.: *его же*. Граффити с горы Херсонеса. Киев, 1984. Подобные же знаки были обнаружены в Болгарии и опубликованы в кн.: *Дончева-Петкова Л. Знаки върху археологически паметници от средновековна България VII–X век*. София, 1980. С. 86–97. То, что археологические данные в последнем счете не поддерживают теорию о предсуществовании славянского письма до Кирилла, доказывается в статье А.А. Мединцева «Начало письменности на Руси по археологическим данным» (История, культура, этнография и фольклор христианских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. Москва, 1983. С. 86–97).

встречаются иногда и на крышках древних русских сосудов, на печатях, кирпичах, монетах, прялках, в календарных таблицах и рукописях. Все это усиливало убежденность некоторых в том, что эти знаки использовались на протяжении продолжительного периода и впоследствии могли послужить основой для создания славянского алфавита.

Знаки неизвестного письма, обнаруженные близ Варны в Болгарии. Их происхождение, так же как и значение, остается загадкой

Упомянутые находки, в какой бы тесной связи со свидетельством болгарского писателя Храбра они ни находились, все же не могут в полной мере объяснить данного места из жития Кирилла, и тем более доказать, сколько-нибудь убедительно, существование славянского перевода Священного Писания, не связанного с трудами солунских братьев. Напротив того, свидетельство Храбра, по существу, исключает такую возможность, поскольку из него ясно следует, что у славян не было достаточно серьезных попыток создать письмо до обращения их в христианство. Более того, оно дает все основания предположить, что пока славяне были язычниками, у них не существовало никаких письменных текстов, наличествовали лишь памятные знаки подобные тем, какие неграмотные люди употребляют во все времена. Затем, отсутствие сколько-нибудь высокой культуры среди славян в эпоху до прихода Кирилла и Мефодия полностью исключает предположение, что славяне, воспользовавшись зачаточным алфавитом собственного изготовления, могли совершить дело перевода Евангелия, чрезвычайно

сложное при таких обстоятельствах, для чего требовалось довольно обширное образование, которым они просто не могли обладать.

Третья теория основывается на палеографической критике текста и представляет собой наиболее правдоподобное и на первый взгляд приемлемое решение проблемы. Речь здесь идет об ошибке в первоначальном списке жития Кирилла, перешедшей затем во все без исключения рукописи. Сторонники этой теории выдвигают предположение, что русский писец вместо слов «сирийскими буквами» (ⲓⲣⲱⲛⲓⲁⲛⲏ ⲛⲓⲥⲙⲏⲛⲏ) написал «русскими буквами» (ⲓⲣⲱⲛⲓⲁⲛⲏ ⲛⲓⲥⲙⲏⲛⲏ), переставив, сознательно или нет, буквы первого слова, впоследствии же его описка — *lapsus calami* стала общепринятой версией¹. Это объяснение, которое в момент своего появления было с радостью и большим облегчением воспринято большинством ученых, на самом деле слишком просто, чтобы быть еще и правильным. На самом деле, представляется почти невероятным, чтобы все 57 рукописей русского и южнославянского происхождения, сохранившие житие Кирилла², происходили от одного единственного первоначального списка, предположительно содержавшего в себе такую ошибку. Теория эта в конечном счете выглядит столь же неубедительной, как и все прочие. Очевидно, что до тех пор, пока мы будем искать ответы за пределами возможностей, представляемых самой историей, которые к тому же не могли быть связанными прямо с деятельностью Кирилла и Мефодия, проблема будет оставаться открытой. Если три вышеизложенные теории не могут дать даже относительно удовлетворительного

¹ Эта точка зрения впервые высказана в статье: *Vaillant A. Les lettres russes de la Vie de Constantin-Cyrille // RES XV. 1935. P. 73–75.* Аргументы А. Вайана были развиты Р. Якобсоном. См.: *Jakobson R. Saint Constantin et la langue syriaque // Annuaire de l'Institut de philologie et l'Histoire Orientales et Slaves VII. 1939–1944. P. 181–186.*

² Полный каталог списков жития Кирилла приведен в труде: *Ангелов Б. С., Кодов Х. (обработ.). Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973. С. 34–45.* Ср.: *Дзиффер Д. Рукописная традиция пространного жития Константина // Славяноведение. 1991. № 3. С. 59–63; его же. Новые данные о традиции и тексте пространного жития Константина // Славяноведение. 1994. № 1. С. 181–186.*

объяснения¹, следует попытаться переменить угол зрения и взглянуть на проблему в перспективе чисто исторической.

Не подлежит никакому сомнению, что столь энергичные и пламенные миссионеры, каковыми были солунские братья, проповедовали и были исключительно деятельны в Крыму, что, впрочем, в повествовании жития почти полностью потерялось за другим весьма важным событием, религиозное значение которого трудно переоценить. Речь идет об обнаружении святых мощей святого Климента, папы Римского (ок. 91 – ок. 101). Как передает древнее христианское предание, святой Климент был схвачен по повелению императора Траяна и сослан в Крым на принудительные работы². Там он продолжил пастырскую деятельность среди двух тысяч христиан, своих собратьев по заточению, трудившихся на рудниках, за что император в конце концов повелел казнить его. Исполнители казни привязали к шее святого мученика камень и бросили его в море с маленького островка, располагавшегося напротив Херсонеса. Некоторые современные исследователи полагают, что предание это сильно отступает от исторической правды о святом Клименте Римском и возникло в результате смешения его жития с житием некоего святого мученика, одноименного ему. Тем не менее, оно утвердилось в сознании христиан, особенно после V в., когда получило почти всеобщее признание.

¹ О других теориях и более обстоятельное обозрение этой темы см.: *Флоря*. Сказания. С. 115–117; *Auty R.* The Gospel and the Psalter of Cherson: Syriac or Russian? // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday.* The Hague-Paris, 1967. P. 114–117; *его же*. Slavonic Letters before St. Cyril: The Evidence of the 'Vita Constantini' // *Studia Paleoslovenica.* Praha, 1971. P. 27–30; *Metzger B.* The Early Versions of the New Testament. Their Origin, Transmission and Limitations. Oxford, 1977. P. 394–404; *Goldblatt H.* On 'Ruskimi pismeny' in the *Vita Constantini* and Russian Patriotism // *Studia Slavica Medievalia et Humanistica* Riccardo Picchio dicata. Vol. I. Roma, 1986. P. 311–328; *Müller L.* Die Taufe Russlands. Die Frögeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988. München, 1987. S. 46–48; *Јовановић-Ступчевић В.* 'Рушки', 'Роски' језик или стваралачка реч у два најстарија словенска текста // *Археографски прилози* 10–11. 1988–1989. С. 7–11. Ср.: *Ταχιάος Α.-Ε.* Τα Ρωσικά γράμματα εἰς τὸν Βίον τοῦ Κωνσταντίνου-Κυρίλλου // *Θεολογικὸν Συμπόσιον. Τόμος χαριστήριος εἰς τὸν καθηγητὴν Παναγιώτην Χρήστου.* Θεσσαλονίκη, 1967. Σ. 291–309.

² Подробности о предании, связанном со св. Климентом, папой Римским, см.: *Dvornik. Les légendes.* P. 190–197.

Поэтому, прибыв в Херсонес, Кирилл и Мефодий были убеждены, что находятся совсем рядом с местом мученического подвига святого. Кириллу пришла мысль о том, чтобы попытаться найти святые мощи, и вскоре он испросил у херсонского архиепископа Георгия разрешение на проведение необходимых изысканий, связанных с этим. Архиепископ сам взялся ему помочь, они взошли

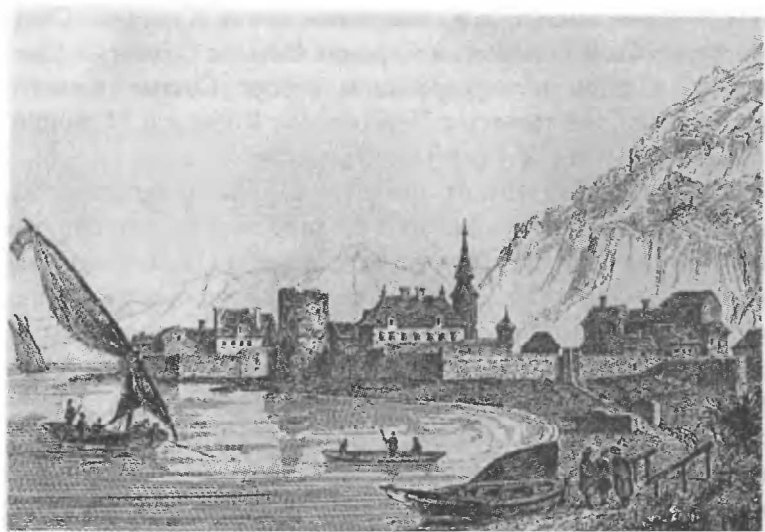
Портовый город Севастополь, располагающийся очень близко от древнего Херсонеса. Мощи святого Климента, возможно, были обнаружены Кириллом именно здесь. Литография 1838 г.

на парусное судно и в сопровождении клира, певшего во время плавания церковные гимны, прибыли на островок, где по их убеждению должны были находиться святые мощи. Приступили к раскопкам и, действительно, был обнаружен кивот со святыми мощами, источавшими благоухание. Кирилл положил мощи на свое плечо, и сопровождаемый процессией, исполненной благоговения, принес их в Херсонес, где клир и народ встретили его с великими почестями. 30 января 861 г. перед местным правителем Никифором и всем собравшимся народом Кирилл произнес речь об обстоятельствах обретения мощей. Он также описал обретение мощей письменно, описание это не дошло до нас в подлиннике, но только в славянском переводе¹; сокращенно оно изложено

¹ Butler T. Saint Constantine-Cyril's Sermon on the Translation of the relics of Saint Clement of Rome // CM XVII-XVIII. 1993–1994. P. 15–39.

Кирилл и Мефодий открывают мощи святого Климента в Крыму.
Миниатюра из «Менология» императора Василия II (XI в.)

Древний Пантикапей на Крымском полуострове, нынешняя Керчь. Именно отсюда Кирилл и Мефодий отправились на противоположный берег Меотийского озера. Литография 1838 г.

многие подробности этих довольно пространных споров, впрочем, только богословского характера. Проводились они как бы в три этапа. Споры эти обнаруживают остроту и гибкость ума Кирилла, воспроизведение их в житии, несомненно, основано либо на его дневниковых записях, либо на отчете о деятельности миссии¹. Составитель жития особо указывает, что он предлагает всего лишь сокращенное изложение, а полный текст находился в писаниях Кирилла. Впоследствии Мефодием пространное изложение споров было переведено на славянский язык и разделено на восемь глав². Скорее всего, его задачей было составить вспомога-

¹ Богословские споры Кирилла с хазарами занимают 9-ю, большую 10-ю и 11-ю главы жития Кирилла. См.: Лавров. Материалы. С. 13–24.

² Лавров. Материалы. С. 21. Говоря во множественном числе, вероятно, от себя и от лица своих помощников, составитель жития Кирилла, сообщает, что из многого, сказанного Кириллом, им сделано сокращение слов (ѿ тѣхъ многѣхъ мѣстъ ѿсѣкѣнѣхъ бѣхъ малѣе положихомъ «анки»), которые Мефодий разделил на восемь глав. Использование им множественного числа служит косвенным свидетельством того, что житие Кирилла было составлено многими учениками. См.: Tachiaos. Some Controversial Points. P. 64–65. Прим. 70.

тельное пособие для ведения богословских споров с иудеями. Ни греческий оригинал, ни славянский его перевод до нас не дошли. В целом, в беседах Кирилла по большей части разбирались богословские воззрения иудеев и, значительно в меньшей степени, воззрения магомстан. Дело в том, что хазарский каган уже перешел тогда в иудейскую веру и ввел ее в Хазарии в качестве государственной. Впрочем, несмотря на это каган проявлял редкую для тех времен веротерпимость и не оказывал никакого давления на людей, придерживавшихся иных убеждений. Под влиянием Кирилла свыше двухсот человек обратились в православную веру и приняли крещение. Хотя количество их было не столь велико, однако следует учесть, что большая часть относилась к числу людей привилегированных, бывавших у кагана на застольях, где велись с византийцами богословские споры. Поэтому обращенные в основном принадлежали к правящему сословию.

Встречи византийской миссии с хазарскими предводителями завершились по-праздничному, во вполне дружеской атмосфере. Перед отъездом посланников каган вручил им письмо императору Михаилу III, где говорилось следующее: «Ты послал к нам, владыко, такого мужа, который показал нам (всю) христианскую веру и (догмат) Святой Троицы словом и делами. И мы познали, что это — вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, надеясь, что и мы к тому же придем»¹. Слова эти свидетельствуют о вполне успешном завершении дел миссии и переговоров. Произошло возобновление союза хазар с греками, того самого союза, который был необходим для обеих сторон в связи с угрозой, появившейся со стороны русов. Перед своим отъездом Кирилл попросил кагана отпустить на волю греков, находившихся в хазарском плену, было их без малого двести человек. Каган с готовностью исполнил его просьбу, и византийская миссия, с успехом исполнив возложенные на нее задачи, отправилась в обратный путь.

Следуя прежним путем, они прошли по засушливым степям Северного Кавказа — это видно, в частности, из некоего чуда, сотворенного святым Кириллом, когда путники не могли больше

¹ Житие Кирилла, гл. 11. *Лавров. Материалы.* С. 24; *Флоря. Сказания.* С. 85.

все еще продолжали хранить свои исконные языческие обычаи. Они поклонялись некоему дереву, которое носило имя «александрон», и не разрешали приступать к нему женщинам¹. Кирилл указал им на бессмысленность поклонения дереву, произнес целую проповедь и, в конце концов, убедил их срубить это дерево и сжечь его. Старейшина подошел, поклонился Кириллу и поцеловал святое Евангелие, а затем его примеру последовали все остальные. Так народ фуллов возвратился к христианской вере. Город Филлы, где они жили, был древним местоположением кафедры архиепископии «хотзиров» (τῶν Χοτζιρῶν), то есть хазар². Впад в идолопоклонство, вся эта область отступила от христианства, и архиепископия естественно пришла в запустение. Тесерь, в связи с возобновлением византийского управления полуостровом, Кирилл, вероятно всего, восстановил и церковное управление, создав Фульскую архиепископию или епископию в городе, который был отныне не под хазарской, а под византийской властью³.

Этим деянием завершены были труды миссии в Крыму и в Хазарии, и византийским посланникам не оставалось ничего другого, как отправиться в обратный путь. Как уже было сказано, Кирилл, покидая Крым, забрал с собой и мощи святого Климента, для чего не так уж просто найти объяснение с точки зрения исторической. Чем мог оправдывать императорский посланник свое решение лишить местную Церковь святых мощей, исконно ей принадлежавших? Только наличие некоей достаточно высокой цели могло придать законность поступку такого рода. Первое возникающее предположение заключается в том, что сам Кирилл или его друг и учитель патриарх Фотий были убеждены, что эти святые мощи

¹ Ранние переводчики жития Кирилла, сбивые с толку словами «древо, называемое Александр», сочли, что речь идет о собственном имени. Однако позднейший исследователь убедительно показал, что смыслом первоначального текста было именно δένδρον ἀλέξανδρον («дерево, защищающее мужей»). См.: *Dujčev I. Zur literarischen Tätigkeit Konstantins des Philosophen // BZ 44. 1951. S. 105–110.*

² *Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981. P. 245.*

³ Подробности о восстановлении византийского управления в Крыму и о местной Церкви см.: *Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р. Х. // Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. Москва, 1908. С. 42–56; и Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia // Byzantion XV. 1940–1941. P. 67–76.*

раньше или позже, должны быть переданы в дар Римской Церкви, возвратиться в Рим. Кирилл мог мечтать о братском примирении с Римом. А возможно, святые мощи назначались для вспоможения и духовной поддержки дел предстоящей миссии. Как бы то ни было, любое из подобных предположений позволяет понять причину того, что мощи святого Климента не были оставлены местной Церковью Херсонеса. Пожалуй, в мощах, обретенных Кириллом, можно до некоторой степени увидеть награду и благословение небезуспешной византийской миссии, простиравшей свою деятельность в окрестностях Черного и Каспийского морей.

В житии утверждается, что за время своего пребывания в Крыму Кириллу удалось изучить три языка: еврейский, самарянский и русский или — если следовать теории Вайана — сирийский. Прежде всего, следует отметить, что сами свидетельства житийных мест, повествующих об удивительных лингвистических способностях Кирилла, вполне могут породить сомнения. Не в том отношении, что он изучал все эти языки (он владел ими)¹, но что это совершилось именно в Крыму². Константинополь предоставлял гораздо лучшие и благоприятные возможности для изучения языков, нежели непродолжительное и отнюдь не праздное пребывание в Крыму. Таким образом, вовсе не представляется сколько-нибудь убедительным, что Кирилл выучил еврейский и самарянский языки тогда, когда находился здесь. Впрочем, едва ли достовернее и возможность овладения русским (славянским) языком в Крыму (если, конечно, речь идет о русском языке). Кирилл познакомился со славянским миром еще в детстве и юношеские годы, и почти наверняка ему приходилось общаться со славянами во время его пребывания в Вифинии. Итак, если не допускать существования готового славяно-русского перевода Евангелия и Псалтыри (а это, судя по всему, безусловно, исключается) и, кроме того, отказаться от предположения, что Кириллу удалось выучить в Крыму русский язык после случайной встречи с русом (пожалуй, это также следует исключить, ведь языки не выучиваются «на ходу»),

¹ Относительно того, насколько Кирилл знал семитские языки, см.: *Horalek K.* Св. Кирилл и семитские языки // *For R. Jakobson. The Hague, 1956. С. 230–234.*

² Ср.: *Tachiaos. Some Controversial Points. P. 68–69.*

за ничтожный промежуток времени), то не избежать необходимости исторического истолкования свидетельств.

В Итальянской легенде речь идет о том, что Кирилл выучил в Крыму вовсе не три иностранных языка, но всего лишь один. В соответствующем месте читаем: «Сразу же, как только были закончены необходимые приготовления, Константин (т. е. Кирилл) отправился в путь и прибыл в Херсонес, находившийся в непосредственной близости и соседстве с хазарами, и жил там некоторое время, чтобы изучить язык этого племени»¹. Подобное указание значительно более разумно и приемлемо. Следует ли удивляться тому, что Кирилл намеревался изучить язык хазар перед началом серьезных богословских прений с ними? Сам Кирилл, а также император и патриарх, отправившие его в Хазарию, знали, что, помимо относительно немногочисленных хазар, ему предстояло повстречать в византийской провинции, включавшей Крым, множество славяноязычных русов², язык которых сделался тогда весьма распространенным в этих местах.

Если мы к тому же примем во внимание, что всего лишь за год до того беспощадные русы угрожали византийской столице под самыми ее стенами, то лучше поймем, что византийские власти, государственные и церковные, имели все основания желать познакомиться с нападавшим на них народом получше и задумывались

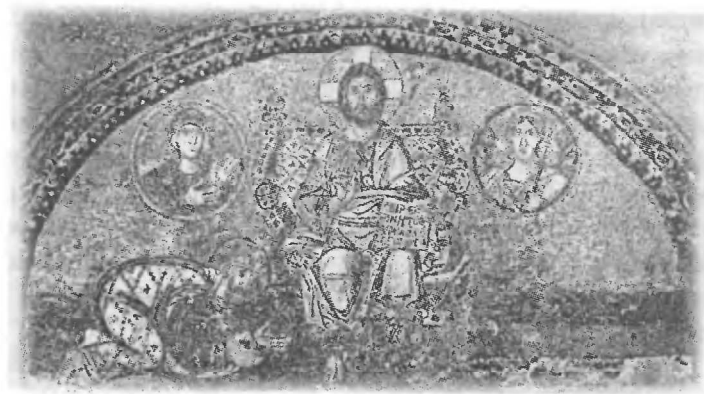
¹ E vestigio igitur preparatis omnibus necessariis iter arripiens, venit Cersonam, que nimirum Gazarorum terra vicina et contigua est, ibique gratia discendi linguam gentis illius est aliquantulum remoratus. *Grivec-Tomšič*. Constantinus et Methodius. P. 59.

² Название *рус* впервые появляется в византийских текстах IX в. Среди них Житие св. Георгия из Амастриды (на этот город русами было совершено нападение), а также Слова патриарха Фотия. Много сведений о русах и их стране Руси сообщает Константин Багрянородный в своем труде «Πρὸς τὸν ἰδιὸν υἱὸν Ῥωμανόν» (*De administrando imperio*). Подробности о названии *рус*, его этимологии и последних научных спорах и теориях о происхождении этнонима *рус* см. в примечаниях к последнему изданию этого труда Константина Багрянородного, выпущенному Г.Г. Литавриным и А.П. Новосельцевым: *Константин Багрянородный. Об управлении империей*. Москва, 1989. С. 292–310. Хотя и допустима точка зрения, что за именем *рус* скрывался не единый народ, а государственное образование многонационального характера, однако в данном контексте и в связи с Кириллом и Мефодием, принимавшими впоследствии непосредственное участие в миссионерском просвещении славян, следует понимать, что русы, встретившиеся им в Крыму, были, несомненно, славянского происхождения.

над перспективой его присоединения к христианскому миру. Именно такое присоединение и подчинение авторитету Церкви могло стать лучшим гарантом пробуждения у русов почтения к империи и умирения их ничем не обузданной агрессивности. Когда через несколько лет, в 867 г., намерение это отчасти осуществилось, патриарх Фотий мог торжествовать. Он написал во вселенском послании восточным патриархам, что русы приняли святое крещение и, более того, подчинились в церковном отношении власти поставленного для них епископа¹. Направление миссии Кирилла и Мефодия в Крым в скором времени после нападения русов на Константинополь в определенной мере можно связать с общим состоянием, вызванным появлением этой опасности, а также со словами патриарха Фотия о начале обращения русов в христианство. Кирилл и Мефодий, для того чтобы попасть в страну хазар (если бы у них не было дополнительных задач), как было уже указано, могли воспользоваться другим, значительно более коротким и безопасным путем. Однако они предпочли переправиться на противоположный берег Черного моря, именно для того, чтобы побывать в Крыму. Скорее всего, им дано было указание изучить положение дел на месте и доложить о нем в столице. Во всяком случае из обсуждаемых нами слов жития Кирилла следует удержать в памяти в качестве безусловного свидетельства, что Кириллу повстречался человек, говоривший по-русски (т. е. по-славянски), и что ему удалось с ним объясниться. И если взглянуть на эту встречу в свете сказанного в Итальянской легенде, то выходит, что Кирилл, знавший уже славянский язык, находясь в Крыму, мог почерпнуть там сведения об определенных диалектных различиях между разговорным языком балканских славян и славян русов².

¹ «И такое в них воспылало желание веры и ревность, что они и епископа и пастыря приняли, и христианское исповедание с большим тщанием и усердием восприяли» (Καὶ ἐπὶ τοσούτον αὐτοὺς ὁ τῆς πίστεως πόθος καὶ ζῆλος ἀνέφλεξεν, ὥστε καὶ ἐπίσκοπον καὶ ποιμένα δεῖξασθαι καὶ τὰ τῶν χριστιανῶν θεησκευματα, διὰ πολλῆς σπουδῆς καὶ ἐπιμελείας ἀσπάξασθαι) — Valettas I. N. Φωτίου τοῦ σοφωτάτου καὶ ἀγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιστολαί. London, 1864. P. 178. Ср.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, 1956. С. 61–90.

² Подробное рассмотрение этого вопроса см.: Tachiaos. Some Controversial Points. Chapter 3. «The ‘Russian letters’ in Constantine-Cyril’s Life». P. 61–71.

Глава 5

Подготовка к славянской миссии

После своего возвращения в Константинополь братья Кирилл и Мефодий в очередной раз расстались друг с другом. «Философ же пошел в Царьград и, повидав царя, — сообщается о Кирилле в его житии, — жил тихо, молясь Богу, пребывая в церкви Святых Апостолов»¹. Из этих слов видно, что он не возвратился ни к своей преподавательской деятельности, ни к делам в патриаршей канцелярии, но жил уединенно при храме Святых Апостолов. Впрочем, возможно ли, чтобы столь выдающийся человек, каким был Кирилл, проживал на полном церковном пансионе в праздности и бездействии? Едва ли можно согласиться с таким утверждением. Это следует как из соображений здравого смысла, так и из внимательного прочтения первой части выше процитированного отрывка, а именно мы видим, что сразу же по возвращении из миссии он посетил императора. Естественнее всего предположить, что основанием для этого посещения была необходимость сообщить

Подпись к илл.: Мозаика над главным входом храма Святой Софии в Константинополе: император Лев V поклоняется Христу, рядом с Ним Дева Мария и Архангел Гавриил. Время изготовления мозаики — между 886 и 912 гг.

¹ Житие Кирилла, гл. 13. *Лавров. Материалы.* С. 26; *Флоря. Сказания.* С. 86.

о достижениях византийской миссии в Крыму и в Хазарии. Да и сам император, который следил за ходом этой миссии и оказывал ей значительную материальную поддержку, едва ли стал бы полностью освобождать Кирилла от служебных дел сразу же по его возвращении. В свое время посылая Кирилла к хазарам, император сказал ему: «Зная власть и достоинство царское, достойно ступай с царской помощью»¹. Из всего указанного выше можно сделать вывод, что Кирилл продолжал оставаться в распоряжении императора и ему было поручено исполнение важных для государства задач.

В свою очередь Мефодий не остался после возвращения из миссионерского путешествия в столице, но направился на гору Олимп — место своих первоначальных монашеских трудов. Составитель его жития отчасти восполняет сведения, содержащиеся в житии Кирилла: «Когда царь и патриарх увидели подвиг его столь пригодным для Божия пути, они уговаривали его, чтобы посвятить в архиепископы на почетное место, где есть нужда в таком муже. А когда он не захотел, (все же) принудили его и поставили игуменом в монастыре, который называется Полихрон, а доход его — 24 меры золота, а отцов в нем больше 70-ти»². Итак, если Мефодий, бывший помощником Кирилла в миссии, за ее успешное завершение мог быть награжден возведением в сан архиепископа, то вполне естественно предположить, что и глава миссии также не оставался в неизвестности, пока жил в церковном доме при храме Святых Апостолов. Напротив того, есть все основания считать, что за таинственной недосказанностью слов жития может скрываться подготовка серьезного и значительного дела, в осуществлении которого главная роль будет уготована Кириллу.

В случае с Мефодием особого внимания заслуживает тот факт, что на должность игумена его выдвинули император и патриарх, хотя мы знаем, что обычно игумены в византийских монастырях избирались самой братией. Непосредственное вмешательство патриарха служит свидетельством того, что монастырь Полихрон

¹ Житие Кирилла, гл. 8. *Лавров 1930. Материалы. С. 11. Ср.: Флоря 1981. Сказания. С. 77.*

² Житие Мефодия, гл. 4. *Лавров. Материалы. С. 71; Флоря 1981. Сказания. С. 96.*

был ставропигиальным, то есть учрежденным на основании патриаршего акта, и потому патриарх обладал правом назначать его игумена. Этот монастырь, неизвестный ни по каким другим историческим источникам¹, был достаточно преуспевающим, в нем проживало в то время семьдесят монахов и, что совсем немаловажно, годовой доход его составлял двадцать четыре модия золота². Эти две подробности составитель жития Мефодия подчерк-

¹ На Олимпе в Вифинии находился монастырь, в котором подвизался св. Феофан. Этот монастырь упоминается в двух житиях этого святого под разными именами: в древнем житии он назван «Полихрониевым монастырем» (μονή Πολυχρονία), а в более позднем — «Полихнием» (Πολύχνιον). Ф. Дворник (*Dvornik*. *Les légendes*. P. 210–211) не сомневается в том, что можно отождествить Полихрониев монастырь, куда был поставлен игуменом Мефодий, с монастырем, где жил святой Феофан. С этим согласен и Б.Н. Флоря (*Флоря*. Сказания. С. 146. Прим. 3). Тем не менее, существуют и серьезные возражения против такого отождествления. Во-первых, следует уточнить, что составитель жития Мефодия рассказывает нам именно о монастыре Πολυχρονίου или Πολυχρόνου или еще Πολυχρόνη (он сообщает, что Мефодия назначили **бѣ манастирѣн нже наицається пѣлхронѣ**. То, что составитель жития не мог допустить ошибку в названии, следует из его довольно таки немалой осведомленности: затем им приведены данные о числе монахов и о доходах монастыря. Таким образом, исключается возможность путаницы, допущенной автором *жития* в названиях «Полихрониев» или «Полихние». Второе возражение против гипотезы Ф. Дворника состоит в том, что монастырь, где жил Феофан, находился у Геллеспонта, а совсем не на Вифинском Олимпе, где Мефодий прежде был монахом. Если бы он стал игуменом именно этого монастыря, ему следовало бы прежде быть переведенным с Олимпа, что не представляется вполне правдоподобным. В-третьих, такое отождествление не может быть одобрено в силу известных предсмертных слов Кирилла, сказанных Мефодию: «Ты же очень возлюбил гору (а ты любилши гору бѣлымн) [имеется в виду Олимп], но не смей ради горы оставить учительство свое ...». (Житие Мефодия, гл. 7. *Лавров*. Материалы. С. 73; *Флоря*. Сказания. С. 97). Если бы Мефодий стал игуменом монастыря, который находился подле Геллеспонта, было бы уже неуместно говорить о горе в Вифинии. Дальнейшее обсуждение вопроса о том, возможно ли отождествить монастыри Πολυχρονίου и Πολυχρίου, см.: *Janin R.* *Les églises et les monastères des grandes centres byzantins (Bithynie, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique)*. Paris, 1974. P. 207–209.

² В славянском тексте стоит слово **пѣудъ** («сосуд»), посредством которого в старославянских текстах обычно передается греческое *μόδιος* (модий = 1/6 медимна). См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т.3. СПб., 1903. С. 473. Несмотря на то, что в византийскую эпоху модий уже не считался единицей меры золота, следует все же предположить, что доход монастыря должен был казаться весьма значительным, для того чтобы о нем специально упомянул составитель жития Мефодия.

нул особо. Стало быть, император Михаил III и патриарх Фотий поставили Мефодия игуменом монастыря, получавшего щедрые вспомоществования из императорской казны. Могло ли это быть всего лишь случайностью? Несомненно, нет, и в этом нас вполне убеждают последующие события. Пребывание Кирилла в храме Святых Апостолов и игуменство Мефодия в монастыре Полихрон было ничем иным, как некоей переходной стадией и подготовительной работой к деянию, существенно более новому и важному по сравнению со всем тем, что им удалось совершить в предшествующей жизни. Это новое и важное не замедлило осуществиться, двоим солунянам предстояло исполнить миссию всемирноисторического значения.

И вот в 862 г. пришло послание, на этот раз из отдаленной по понятиям того времени страны: «Тогда как Философ радовался о Боге, снова другое дело пришло и труд не меньше первого. Ведь Ростислав, князь Моравский, по Божью указанию держал совет с князьями своими и моравлянами, а (потом) послал к царю Михаи-

Император Михаил III приказывает Кириллу идти в Моравию.
Снимок с полуразрушенного настенного изображения IX в. в храме
Святого Климента в Риме

лу, говоря: “Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру, чтобы и другие земли, глядя на это, уподобились нам. Так пошли нам, владыко, епископа и учителя такого. От вас ведь исходит во все земли добрый закон”»¹. В житии Мефодия также содержится упоминание об этом: «Случилось же в те дни, (т. е. когда Мефодий стал игуменом монастыря Полихрон), что Ростислав, князь славянский, со Святополком послали из Моравии к царю Михаилу, говоря так: “Мы Божией милостью здоровы, и пришли к нам многие христианские учителя от латинян², и от греков³, и от немцев, и учат нас по-разному, а мы, славяне, люди простые, и нет у нас (никого), кто бы нас наставил истине и дал нам знание. Так, добрый владыко, пошли такого мужа, который нас наставит всякой правде”»⁴. Прежде чем приступить к более тщательному разбору этих свидетельств о послании Ростислава, в том виде, как они сохранились в двух приведенных выше житийных отрывках, необходимо сказать хотя бы несколько слов о его государстве.

¹ Житие Кирилла, гл. 14. *Лавров. Материалы. С. 26. Ср.: Флоря. Сказания. С. 86–87.*

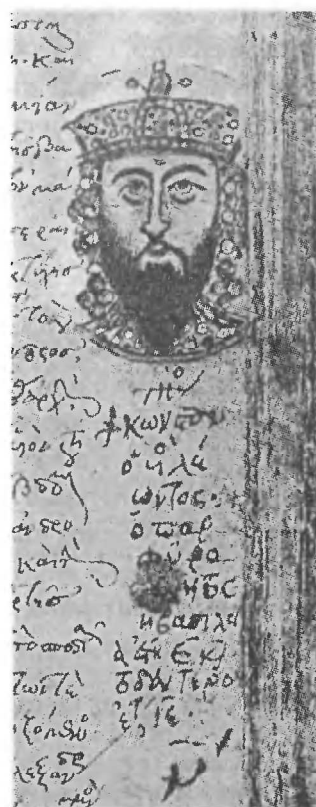
² Составитель жития Мефодия использует здесь наименование «влахи» (блѡхѣ), имея в виду латиноязычных. Я полагаю, что слово «латиняне» в точности передает именно то, что подразумевал автор жития.

³ Трудно установить, что на самом деле имеет в виду в этом месте составитель жития. Греки, которых он упоминает, могли быть: а) клириками, пришедшими из Восточной Болгарии, б) миссионерами из Далматии, которая находилась тогда в греческой юрисдикции, или в) клириками из Венеции. Второе предположение представляется наиболее вероятным. Хотя они и были греками, однако не являлись официальными миссионерами и, что самое главное, не сумели ввести славянский язык в богослужение и проповедь; поэтому их миссия в Моравии была затем упразднена как безрезультатная. Диттрих (*Dittrich Z.R. Christianity in Great-Moravia. Groningen, 1962. P. 88–91*) полагает, что эти греки могли быть священниками, пришедшими из Константинополя «следом за греческими купцами». Хотя в источниках нет непосредственных свидетельств в пользу этого предположения, тем не менее оно видится одним из возможных ответов на поставленный вопрос. Ср.: *Vavřínek V. Církevní misie v dějinách Velké Moravy. Praha, 1963. P. 37–39; Havlík L. Velká Morava a středoevropské Slované. Praha, 1964. P. 160–162.*

⁴ Житие Мефодия, гл. 5. *Лавров. Материалы. С. 71, 72; Флоря. Сказания. С. 96.*

Монета Константина Багрянородного, 945 г. Константинополь, золото, диаметр 1,9 см

Император Константин Багрянородный

Страна, в которой он правил, византийским императором X века Константином Багрянородным была названа Великой Моравией (Μεγάλη Μοραβία) для того, чтобы отличить область, занимаемую ею, от той, которая находилась южнее реки Морава и именовалась «Малая Моравия». Таким образом, в данном случае термин «великая» вовсе не указывает на особую обширность страны, но на ее положение¹. Но где располагалась Великая Моравия?

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 52, 168, 338–339, 339–400. Ср.: Λουγγής. Κωνσταντίνου Ζ' Πορφυρογεννήτου. *De administrando imperio*. Σ. 102–106.

Свыше ста лет историки и слависты помещали первоначальный ее центр в области верхнего течения реки Моравы, там, где она протекает через Моравию. Оттуда, предполагали они, Великая Моравия распространилась и включила в себя впоследствии Словакию, Паннонию, южную Польшу, Богемию и отдельные части восточной Германии. На протяжении последних лет эта довольно установившаяся теория была оспорена и исторические исследования дали весьма убедительные аргументы для ее существенного пересмотра. Сначала появилась теория, главным образом основанная на новом истолковании источников, которая попыталась переместить эту область значительно южнее, в район древнего Сирмиума, подле нижнего течения Моравы, где ныне располагается Славония¹. Согласно другому, даже более решительному, но несколько не менее убедительному предположению, отчасти подтверждаемому выводами, почерпнутыми из военной истории данной области², — положение исторического центра Великой Моравии следует перенести ближе к обширной долине реки Тисса, которая течет из восточной Венгрии в Румынию³. Последняя точка зрения заметно набирает вес среди историков и помогает до некоторой степени по-новому взглянуть на общую историческую ситуацию того време-

¹ Профессор И. Боба предложил эту новую теорию в своей книге: *Boba I. Moravia's History Reconsidered: A Reinterpretation of Medieval Sources*. The Hague, 1971.

² См.: *Bowlus C.R. Franks, Moravians and Magyars: The Struggle for the Middle Danube, 788–907*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1995.

³ Эта теория была предложена М. Эггерсом в кн.: *Eggers M. Das 'Grossmährische Reich' — Realität oder Fiktion?* Stuttgart, 1995, где он проводит тщательный анализ источников и предлагает их новую интерпретацию, отказываясь от ряда предрассудков, высказывавшихся учеными до него. Как теория Бобы, так и теория Эггерса, породили споры в среде исследователей. См.: *Kronsteiner O. Salzburg und die Slawen. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der ältslawischen Schriftsprache* // *Die Slawischen Sprache* 2. 1982. S. 27–51; *Birkfelner G. Methodius Archiepiscopus Superioris Moraviae oder Anmerkungen über die historisch-geographische Lage Altmährens (Vorläufige Stellungnahme zu jüngsten hyperkritischen Lokalisierungsversuche)* // *Leben und Werk*. S. 33–38; *Birnbaum H. Where was the Centre of the Moravian State?* // *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*. Columbus, 1993. P. 11–23; *его же*. *The Location of Great Moravia Revisited* // *BS* 54. 1992. P. 336–338; *его же*. *Zum (hoffentlich) letztenmal über den weitgereisten Method und die Lage Altmährens* // *BS* 57. 1996. P. 188–193.

ни. Конечно, если ее принять, неизбежно возникают новые проблемы, которые придется решать: скажем, каким путем Кирилл и Мефодий прибыли в Великую Моравию? Вероятно, придется предположить морское путешествие¹. В чьей юрисдикции находился этот регион согласно церковным канонам — Рима или Константинополя? В любом случае, какая бы из этих теорий ни была в конце концов принята, в сущности это ничего не переменит, как в понимании значения и важности деятельности солунских братьев среди славян, так и в признании их поистине колоссальной культурной роли в жизни этого народа, которому предстояло теперь динамично выступить на историческую сцену Европы.

Великая Моравия была первым из известных нам славянских княжеств, возникших в Центральной Европе, происхождение ее, однако, теряется во мраке². Впрочем, раньше, в VII в., приблизительно на том же месте было основано другое славянское княжество, история которого предстает довольно таинственной. В 623 г. славяне, которые были поработаны аvaraми, подняли против них восстание. Их соседи франки также не остались безразличными к этому восстанию и, хотя сами они в нем почти не участвовали, однако всячески поддерживали. Предводителем славян стал галль-

¹ Ф. Дворник (*Les légendes*. P. 207, 248, и *Byzantine Missions*. P. 307–314) предполагает, что путь Кирилла и Мефодия в Моравию, вероятно, проходил по морю из Диррахия в Венецию. Ср.: *Dimitroukas I.Ch. Reisen und Verkehr im Byzantinischen Reich vom Anfang des 6. Jhr. bis zu Mitte des 11. Jhr.* Athen, 1997. Band I. S. 161, 261–262; Band II. S. 502.

² Библиография о Великой Моравии весьма богата, особенно связанная с археологическими раскопками в центрах, находившихся в состоянии расцвета в те дни, когда страну посетили Кирилл и Мефодий. В прибавление к тому, что содержится в работах Дворника (*Dvornik F. Les légendes*. P. 212–247; *Dvornik F. Byzantine Missions*. P. 73–104), см. также: *Havlik. Velká Morava a středoevropská Slované*, и *Děkan J. Velká Morava. Doba a umění*. Praha, 1980. К обстоятельной и весьма объективной статье Ф. Грауса (*Graus F. L'Empire de la Grand-Moravie, sa situation dans l'Europe de l'époque et sa structure intérieure // Das grossmährische Reich. Tagung der wissenschaftlichen Konferenz des Archäologischen Instituts des Tschechoslowakischen Akademie des Wissenschaften*. Prague, 1966. P. 133–262) также приложена обширная библиография. См. также сборники: *Magna Moravia. Commentationes ad memoriam missionis byzantinae ante XI saecula in Moraviam adventus editae. Opera Universitatis Purkynianae Brunensis. Facultas Philosophica* 102. Prague, 1965; *Великая Моравия: ее историческое и культурное значение*. М., 1985.

ский купец Само, добившийся объединения повстанцев и, в конце концов, подчинивший их своей власти¹. Его владычество простиралось на область, границы которой определить точно не представляется возможным, но, по меньшей мере, в нее входили Моравия, Богемия и южная Австрия, или Каринтия. Ее столицей был Богастисбург — город, местоположение которого историкам так и не удалось установить. Франкам казалось, что национальное происхождение правителя должно доставить им благоприятную возможность для упрочения своего влияния в созданной им стране, только сам Само думал иначе. В конце концов он добился полной независимости своей страны, исчезнувшей навсегда около 659 г., вскоре после его смерти.

Затем источники умалчивают на полтора столетия, и о славянском государстве в этих землях больше не упоминается вплоть до IX в. В апогее своего могущества Карлу Великому (768–814) удалось распространить владычество на пределы современной Чехии и положить конец независимому существованию Баварии. Немаловажную роль сыграл англосаксонский монах (впоследствии причисленный к лику святых) Бонифаций, в первой половине VIII в. он занимался миссионерством среди германцев и основал в Баварии четыре епархии: в Зальцбурге, Фрайсинге, Ратисбоне (нынешний Регенсбург) и в Пассау. Хотя в результате современных исторических исследований все менее вероятной представляется возможность проповеди христианства в Моравии ирландскими миссионерами, тем не менее все больше подтверждений находится тому, что именно из церковных центров Баварии пришли в эту славянскую страну первые миссионеры². Уже в 822 г. в

¹ Само упоминается в «Хронике» Фридегария Схоластика (Fredegarius Scholasticus), где говорится: «В 40-й (т. е. 623) год царствования Хлотаря человек по имени Само, родом франк, наладил связи со многими купцами из Сенонагской области, [и] для занятия торговыми делами отправился к славянам, именуемым венедами». (Anno 40 (i.e. 623) regni Chlotharii homo quidem nomine Samo natione Francus de pago Sennonago plures secum negotiantes ascivit, ad exercendum negotium in Sclavos, cognomento Winidos, perrexit. // MMFH. Vol. I. Annales et Chronicæ. P. 20).

² О миссиях в Великой Моравии до Кирилла и Мефодия см.: *Dittrich. Christianity in Great-Moravia*. P. 1–91. Ср.: *Vavřínek V. Předcyrilometodějské misie na Velké Moravě* // *Slavia* 32. 1963. P. 465–480.

Анналах Франкского королевства упоминается страна Моравов¹. В том же году франки поддержали создание аварославянского государства в Паннонии (нынешняя Венгрия), на которое алчными взорами смотрели болгары, тюркское племя, находившееся на пути славянизации. Несколько позже, в 830 г., моравский князь Моймир изгнал из Нитры, города на территории современной Словакии, тамошнего правителя Прибину, который пытался опереться на помощь франков. Таким образом, славянское государство объединяется. Все эти сведения, наряду с другими, им подобными, происходят исключительно из латинских источников. Они несколько расширяют наши знания о возникновении Моравии, однако их совершенно недостаточно для того, чтобы можно было удовлетворительно объяснить, каким образом это знаменитое впоследствии славянское княжество появилось столь внезапно².

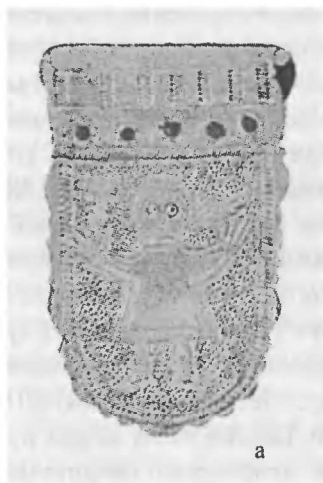
В ту пору, когда в Моравии уже сложился монархический, централизованный строй правления, то есть один князь стоял во главе всей страны, в Богемии все еще не было единовластия. Нам известно, что около 828 г. в городе Ратисбоне крестились 14 чешских князей³. В конце концов и Богемия присоединилась к Великой Моравии, как ранее это произошло со Словакией. Все это, впрочем, несколько не означает, что вся страна уже тогда осознавала себя единым целым. Наряду с общим, понятным для всех языком⁴, другим фактором, способствовавшим появлению у славянских племен чувства единения, был князь и его авторитет, как вполне ясно видно из того, что страна Само сразу же ослабела и распалась, лишившись единовластного правителя. Сомнительно,

¹ *Annales regni Francorum* // MMFH. Vol. I. P. 49–50.

² Ф. Граус замечает: «Если беспристрастно оценить реальное достоинство этих источников, то мы вынуждены признать, что о начале империи Великой Моравии нам ничего не известно» (*Si nous apprécions les sources sobrement et à leur juste valeur, nous sommes obligés de constater qu'en ce qui concerne les débuts de l'Empire de la Grande-Moravie, nous n'en savons rien.* — *Graus. L'Empire de la Grand-Moravie*. P. 160).

³ *Annales Fuldenses* // MMFH. Vol. I. P. 89.

⁴ О старославянском языке этой эпохи и его отношении к языку Великой Моравии см.: *Bauer J.* Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии. Сопоставление синтаксического строя // *Magna Moravia*. Praha, 1965. P. 469–492.

а

а. Фигура дворянина на позолоченной бронзовой пряжке.
Из находок в Микульнице

б

б. Бусы, украшенные тремя крестами. Из находок в захоронениях в *Долни Вестонице* в Моравии

в

в. Орел или сокол, нападающий на оленя. Позолоченная брошь на кованой меди, найденная в селении *Зеленки* в Богемии. Хранится в Национальном музее в Праге

существовало ли в Моравии знатное сословие, хотя археологические данные и позволяют допустить наличие в ней определенных социальных различий. Погребальные предметы из захоронений, найденных в моравских землях, говорят об этом с достаточной определенностью, хотя могилы, бесспорно принадлежащие князьям, пока не обнаружены¹.

¹ *Graus. L'Empire de la Grand-Moravie. P. 181–184. Ср.: Паткош Р. Великая Моравия — территория и общество // Великая Моравия: её историческое и культурное значение. М., 1985. С. 89–94.*

В Великой Моравии уже существовали городские поселения, обыкновенно неподалеку от рек. Не найдено развалин обособленных крепостей, предвещавших развитие феодального общественного строя. Некоторые из этих поселений играли важную роль и были достаточно известны, как, например, Старе Место (или Велеград), возможно бывшее первоначально столицей, или Микульчице. Подобно другим поселениям они были укреплены. В них развивалась духовная, общественная и политическая жизнь. Согласно оценкам исследователей, в городской черте Микульчице¹ проживало около трёх тысяч человек². Открыты двадцать храмов, восходящих к эпохе Великой Моравии³. Из них двенадцать находятся в Микульчице, четыре в Старе Место и по одному в Поханско, Бржеславце, Братиславе и Дучо. Большинству из них присущи черты западного происхождения, неоспоримо свидетельствующие о присутствии деятельных баварских миссионеров. Они относятся к периоду с VII по X столетие. В одном из главных храмов Микульчице можно усмотреть сходство с общим типом архитектуры, господствовавшим в Адриатике с IX по XI вв., это подтверждает наличие связей Моравии с Аквилейской патриархией. Когда в житии Мефодия упоминается об «учителях от латинян», то несомненно речь идет о миссионерах, пришедших оттуда.

Однако самым большим в Микульчице был трехнефный храм длиною в тридцать пять и шириною в девять метров, построенный в начале IX в. Вокруг него находятся свыше четырехсот гробниц, несколько других, каменных, найдено внутри храма. Его нартекс и атриум были надстроены во время пребывания византийской миссии на территории Моравии. Этот храм был кафедральным, в нем находился также и баптистерий. Уникальным в своем роде сооружением была ротонда в Микульчице с двумя апсидами, она

¹ Poulik J. Mikulčice. Sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975.

² Строениям в Микульчице посвящена статья: Stoukal M. Struktura obyvatelstva velkomoravských Mikulčic // Archeologické rozhledy 14. 1962. P. 61–83.

³ В пространной статье Рихтера (*Richter V. Die Anfänge des grossmährischen Architektur // Magna Moravia. Prague, 1965. S. 121–360*) даны подробные сведения и обширная библиография как о храмах, которые существовали в Великой Моравии до прибытия туда Кирилла и Мефодия, так и о построенных позже. См. также: *Dvornik. Byzantine Missions. P. 81 sqq.*

также, скорее всего, создана в начале IX в. Пожалуй, и она может свидетельствовать о влиянии Византии, там храмы подобного типа, сориентированные вокруг центра, существовали задолго до IX в. Церковное здание, обнаруженное в местности, называемой *На Шпиталках*, в западной части Старе Место, возможно, также обладает некоторыми чертами сходства с византийской архитектурой и было построено в эпоху Кирилла и Мефодия. Рядом с ним был найден медальон с изображением охотящегося всадника с соколом. Обнаружены и другие предметы, указывающие на существование отношений Моравии с Византией. Открытые в раскопках фрагменты тканей, ювелирные изделия и произведения кузнечного дела говорят о связях с византийским миром, относящихся даже ко времени еще до возникновения Великой Моравии. Сохранились известия о том, например, что в VII в. некий византийский чеканщик жил при дворе аварского князя в окрестностях Земьянска¹, похоже на то, что изделия, созданные в греческих мастерских, ввозились в моравские земли из византийских провинциальных центров или из Крыма.

Ритуальные предметы, использовавшиеся при захоронениях, свидетельствуют о том, что в течение всего IX в., наряду с христианской практикой, продолжали сохраняться языческие обычаи и обряды погребения. В гробницах обнаруживаются подчас обол Харона², плоды, керамическая посуда, лекифы с продуктами, яйца и т. п. Разнородные погребальные находки более свидетельствуют о различиях в образе и обычаях захоронения, чем об утвердившейся дифференциации в структуре общества. С эпохи образования Моравского государства тела перестают сжигаться и начинают предаваться земле. Это, по всей видимости, произошло не столько в силу принятия христианства (поскольку погребение тел появляется прежде), сколько под воздействием обычаев какого-

¹ См.: Svoboda B. Poklad byzantského kovotopce v Zemianském Vrbovku // *Právník archeologické* 44. 1953. P. 33–108.

² См. статью: Vavřínek V. Charónuv obolus na Velké Moravě // *Numismatické Listy* XXV/2. 1970. P. 33–41 и рецензию на нее Х. Папастафиса (СМ 1. 1971. Σ. 218–219), где обсуждаются различные точки зрения относительно происхождения этого обычая. Ср.: Hošek R. *Antique Traditions in Great Moravia* // *Magna Moravia*. Praha, 1965. P. 71–84.

Маленький бронзовый крест византийского происхождения (IX–X вв.), найденный в захоронении при *Мача* в Словакии

Позолоченный мощевик в форме книги, украшенный драгоценными камнями. Из захоронения в Микутьчице

либо соседнего народа. Сосуществование сожжения и погребения наблюдалось на протяжении довольно длительного времени и после принятия христианства¹. Важнейшие археологические находки эпохи государства Великой Моравии найдены в обширном районе, простирающемся от восточного берега реки Дия в Центральной Моравии до реки Нитра в Западной Словакии. Эту область можно назвать колыбелью и очагом культуры Великой Моравии.

Когда некоторые историки говорят о государстве Великая Моравия, они называют его империей. Думается, что в данном случае этот термин едва ли уместен. Вне всякого сомнения, государство, столь неожиданно появившееся на исторической сцене в первые десятилетия IX в., находилось на подъеме и переживало период стремительного расширения, однако оно не успело еще

¹ *Graus. L'Empire de la Grand-Moravie. P. 177–178. Ср. замечания Ф. Дворника на статью Ф. Грауса, опубликованную в «Das grossmährische Reich» (Prague, 1966. P. 260–261).*

приобрести отличительных черт настоящей империи. Если и была какая-либо характерная особенность, которая в историческом плане возвышала его и вводила в число успешно развивающихся стран, то именно присутствие братьев Кирилла и Мефодия и их миссионерская деятельность. Великая Моравия не сумела достичь такого уровня государственного устройства, какое мы находим в Византии или даже во франкском государстве, она не пробудила у людей, живших в ней, чувство патриотизма¹. Это был народ, слагавшийся из обособленных однородных славянских племен, собранных под эгидой власти одного вождя. Когда такой вождь умирает, перестает существовать и воплощенное в нем государственное начало. Совсем не похоже, что было сколько-нибудь единообразное великоморавское национальное сознание, хотя бы отчасти сопоставимое с тем, которое пробуждалось у южных соседей — болгар². Моравия могла бы быть названа империей разве что в том смысле, что вождь ее объединял под своим владычеством несколько славянских племен, хотя перед этим они не обладали какой-либо государственностью. Далее, у нас нет достоверных сведений о ранге и уровне притязаний их вождя. Титул его, появляющийся исключительно в посвященных деятельности Кирилла и Мефодия латинских и славянских источниках, может быть приравнен к титулам «князь», «архон», «дука» или «гех» (король), однако никак не к византийскому «василевсу» или славянскому «царю», прямо указывающим на императорское достоинство³. Помимо того, здесь же следует отметить, что Моравия оказалась не в состоянии проводить достаточно дальновидную внешнюю политику и противостоять германской опасности, постоянно угрожавшей ей, перед которой она в конце концов вынуждена была капитулировать. Не удалось ей и оказать заметного культурного влияния на народы, окружавшие ее. Последнее предполагало определенную самостоятельность умственного и духовного развития, которого как раз и недоставало Моравии. Впрочем, такое неудовлетворительное состояние дел стало существенно меняться после прихода сюда солунских братьев; их деятельность повлияла

¹ *Graus*. L'Empire de la Grand-Moravie. P. 216.

² См.: *Ангелов Д.* Образоване на българска народност. София, 1971.

³ *Graus F.* L'Empire de la Grand-Moravie. P. 173. Прим. 5.

не только на внутреннее устройство общественной жизни Великой Моравии, но и на положение этой страны среди культурно развивающихся народов.

Если прочесть внимательно сведения, приводимые в житиях Кирилла и Мефодия, о послании Ростислава к императору Михаилу III, можно сразу отметить, что они не вполне совпадают между собою. Согласно житию Кирилла, Ростислав просил императора прислать в Моравию епископа и учителя для наставления людей, уже обратившихся в христианство, на родном для них языке. Основанием для этого было то, что «добрый закон» пришел из Византии (ѡтъъ кѡсѣъ бѣ на кѡѣ странѣ кѡѣгда добръѣн законъ нѣхѣднѣтъ)¹. В житии Мефодия дело представлено несколько иначе. Согласно этому житию, моравы попросили учителя, который наставил бы их в истине (нѣже нѣсправнѣтъ кѡѣкѡу правдѣу)². Сведения, приведенные составителем жития Мефодия, были отчасти скорректированы после событий, которые произошли в Моравии в конце жизни Мефодия, когда борьба его за утверждение Православия была позади. Под воздействием новых обстоятельств жизни позабылся первоначальный смысл послания Ростислава, который сохранен неповрежденным составителем жития Кирилла. Известие об этом послании, данное им, достаточно точно соответствуют историческим фактам, в согласии с ним вполне последовательно и логично выстраивается совокупность политических и духовных факторов. Ростислав искал укрепления отношений с Византией, так как испытывал угрозу и со стороны германцев, и со стороны болгар³. Связь с Византией доставила бы ему полити-

¹ Житие Кирилла, гл. 14. *Лавров*. Материалы. С. 26; *Флоря*. Сказания. С. 87.

² Житие Мефодия, гл. 6. *Лавров*. Материалы. С. 72; *Флоря*. Сказания. С. 97.

³ Причины, побудившие Ростислава обратиться к Византии, и пути, при помощи которых ему удалось добиться исполнения своей просьбы, продолжают и поныне оставаться вопросами, интересными для исследователей, и, несомненно, вызывают определенные разногласия. Каждый ученый рассматривает ее со своей точки зрения и приходит в большинстве случаев к заключениям частного характера, в значительной степени расходящимися с выводами других. Большим значением обладают, безусловно, суждения историков, в особенности тех, кто специально занимался данными вопросами, таких, как Ф. Дворник (*Dvornik*. *Les légendes*. P. 226–236). Ср.: *Gelj F*. Византийское посольство Великой Моравии на политическом фоне тогдашней Европы // *Magna Moravia* 1965. P. 85–119, и *Grivec*. *Konstantin und Method*. Wiesbaden, 1960. S. 54–57.

ческую поддержку, поскольку греческий император был в состоянии оказать давление на болгар, угрожавших Моравии с юга. Однако в то же время он просил послать епископа и желал появления письменного наставления на славянском языке, на котором говорили моравы.

В связи с желанием Ростислава получить епископа, нам следует согласиться, что он, несомненно, стремился к тому, чтобы моравская Церковь приобрела независимость от церковной юрисдикции Баварии. Немецкий клир происходил из страны, которая не могла считаться дружественной, поскольку у нее были захватнические территориальные притязания на земли, принадлежавшие Моравии или тяготевшие к ней. Однако помимо этого, за просьбой послать епископа проглядывает стремление к возвышению Церкви Моравии в ранг архиепископии¹. Ростиславу, как правителю, хотелось иметь рядом с собой достаточно независимого церковного руководителя, представлявшего учреждение, которое утверждало бы и укрепляло его собственное владычество. Он совершенно безбоязненно мог просить послания епископа у отдаленной Византии, не имевшей никаких видов на Моравию.

Наряду с вопросом о церковной независимости Моравии, просьба Ростислава о письменном славянском наставлении ставит во всей его серьезности вопрос о культурной и духовной свободе. Церковная независимость первого в мире собирающегося воедино христианского славянского государства и появление возможности

¹ Б.Н. Флоря (в статье: *Флоря Б.Н. К вопросу о целях моравского посольства в Константинополе (начала 60-х годов IX в.)* // *Славянские древности. Этногенез. Материальная культура древней Руси. Киев, 1980. С. 107–117*) высказывает мнение, согласно которому Ростислав выражал намерение подчинить церковь Моравии Константинопольской патриархии при том условии, что полномочия последней простираются вплоть до границ Великой Моравии, и, таким образом, соблюдена ее географическая непрерывность. Достижение этой цели предполагалось осуществить за счет расширения Великой Моравии до границ Болгарии, уже находившейся под юрисдикцией Вселенской патриархии. Далее Б.Н. Флоря отмечает, что о Великой Моравии не так уж много знали в Византии, этим могла быть обусловлена определенная осторожность действий, предпринятых после получения послания Ростислава. Вместо епископа в Моравию были посланы патриарший клирик, Кирилл, и простой монах, Мефодий. Несмотря на то, что факты и обстоятельства, указанные Б.Н. Флорей, в основном верны, все же его доводы не представляются достаточно убедительными.

получать образование на родном языке могли бы стать средствами, при помощи которых Великая Моравия создала бы предпосылки для возникновения из нее настоящей и могущественной имперской державы. Славянское просвещение, которое из Великой Моравии изливалось бы на прочие славянские народы и племена, придало бы ей духовный авторитет и обеспечило бы ей ведущую роль во всем славянском мире. За простыми и немудреными выражениями в послании Ростислава к императору Михаилу таится отчетливая и дальнозоркая политическая перспектива огромного исторического масштаба. Может несколько озадачить только тот факт, что Ростислав просил у Византии славянского письма и славянского писанного слова с полной уверенностью, что получит просимое, будто бы зная о существовании уже готового варианта или о том, что греки вполне способны его подготовить¹. Но было ли ему что-нибудь известно? Следующая часть в повествовании составителей житий Кирилла и Мефодия предлагает нам незамедлительный ответ.

Император Михаил, выслушав просьбу посольства Ростислава, тотчас вызвал к себе Кирилла (вероятнее всего, на заседание царского синклита) и сказал ему, что, несмотря на утомление от предыдущей миссии, ему непременно следует отправиться в Моравию, потому что никто другой не в состоянии будет справиться с таким поручением². Кирилл согласился исполнить повеление императора с условием, чтобы моравы имели «буквы для их языка». Именно из слов Кирилла становится понятным, что Ростислав просил о получении славянской письменности. На возражение Кирилла император ответил: «Дед мой, и отец мой и иные многие искали их (т.е. буквы славянского алфавита) и не обрели, как же я могу их обрести?» И составитель жития продолжает: «Философ же сказал: “Кто может записать на воде беседу и (кто захочет) прослыть еретиком?”» Отвечал же ему снова царь с дядей своим, Вардой: “Если захочешь, то может тебе дать (их) Бог, Кото-

¹ Именно это ожидание является обстоятельством, ослабляющим силу довода Б.Н. Флори (см. предыдущую сноску) о том, что в Византии мало что было известно о Моравии.

² Житие Кирилла, гл. 14. *Лавров*. Материалы. С. 27; *Флоря*. Сказания. С. 86, 88.

рый дает тем, кто просит без сомнения, и открывает всем стучащим»¹. Кирилл подчинился и, помолившись вместе со своими сотрудниками, сразу взялся за дело. И Бог, Который слышит молитвы своих рабов, быстро открыл ему (письмо), и тогда он избрал буквы и начал писать слово Евангелия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и прочее». В житии Мефодия события излагаются сходным образом: по тексту жития, Кирилл с готовностью подчинился императорскому повелению и, позвав своего брата Мефодия и тех, «кто были таких же мыслей, как и они» (на мѣлѣнѣ ꙗко на мѣлѣнѣ н сѣ нѣмѣ, нже бѣаху ꙗко ꙗже дѣлаха)², вместе с ними предался молитве. «И здесь явил Бог философу славянское письмо. И тот быстро создал письмена и составил (из них) беседу»³. Столь простыми и незатейливыми словами два составителя житий сообщили человечеству о факте всемирного значения — о создании славянского письма, событии, которое ввело славян в число передовых культурных народов и заложило основы для развития их культуры.

Из вышеизложенных свидетельств становится очевидным, что первооткрывателем славянского письма был Кирилл, и что в деле создания письменного славянского слова, кроме него и Мефодия, участвовали и другие лица, которых составители житий называют «сотрудниками»⁴ или же «теми, кто были таких же мыслей, как и они». В том, что только Кирилл был творцом славянских букв, не возникает совершенно никаких сомнений, поскольку здесь вполне согласны друг с другом все свидетельства славянской древности. Но роль его сотрудников нуждается в определенном уточнении. Эти сотрудники не появились внезапно и случайно, но уже существовали, и, безусловно, все они, вместе с Кириллом и Мефодием, работали сообща и по одному плану. Это хорошо заметно из выражения составителя жития: «И тут Бог открыл философу

¹ Житие Кирилла, гл. 14. *Лавров. Материалы.* С. 27; *Флоря. Сказания.* С. 86, 88.

² Житие Мефодия, гл. 5. *Лавров. Материалы.* С. 72; *Флоря. Сказания.* С. 96, 97.

³ Там же.

⁴ Составитель жития употребляет выражение: н сѣ нѣмѣ сѣлѣшнѣмѣ. Понимаются ли здесь «сотрудники» или «приверженцы» зависит от того, стоял ли в греческом языке определенный артикль перед этим словом или нет. См.: *Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum.* Vienna, 1963. P. 947.

Ассеманиево Евангелие (XI в.).
Один из древнейших глаголических манускриптов.
В начальном Р – лик святого Иоанна Предтечи

Царь-пророк Давид, сочиняющий псалмы, в окружении музыкантов и певцов. Именно так представлял себе Константин Костенечский в XV в. святого Кирилла, переводящего книги с греческого на славянский в окружении помощников. Из «Хлудовской Псалтири», русского рукописного памятника конца XIII в., ГИМ (Москва)

славянское письмо». Слово «тут»¹ указывает здесь не только на место, где все они работали вместе с философом Кириллом, но, пожалуй, и на то, что сам составитель жития был одним из сотрудников. Относительно роли сотрудников имеется весьма логичное и вразумительное толкование, сделанное болгарским писателем XV в. Константином Костенечким. В своей работе, посвященной славянскому письму, он пишет о Кирилле: «... некоторые говорят, что Константин Философ (т.е. Кирилл) перевел первым. Пусть так, я с этим согласен, однако он был руководителем, и, как посланный своим господином ... он избрал из всех племен людей, знавших греческую письменность и славянские языки. В ту эпоху греческий скипетр был очень могущественным, и замечательные люди всех народов служили ему»². Точка зрения старинного болгарского филолога, думается, не далека от истины и ведет к правильному пониманию меры участия сотрудников в деле Кирилла и Мефодия³. Но попытаемся взглянуть на вышеизложенные сведения по порядку.

Император Михаил III сказал Кириллу, что во времена правления его деда, то есть императора Михаила II (820–829), и его отца, Феофила (829–842), искали славянскую азбуку, но так и не нашли.

¹ ДА ТУУ ЯВН БИГЪ ФНАИФУ СЛАВЕНСКИ КНИГЪ. Заслуживает упоминания, что косвенное указание на место, где было создано славянское письмо, содержится не в житии Кирилла, но в житии Мефодия. Это означает, что составитель жития Мефодия сам присутствовал в том месте («тут»), когда Кирилл создавал письмо.

² Ягич В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1895. С. 109; Goldblatt H. Orthography and Orthodoxy. Constantine Kostenečki's Treatise on the Letters. Firenze. 1987. P. 120, 240 (Studia storica et philosophica XVI).

³ Заметки К. Костенечского разбираются в работе: Tachiaos A.E. L'oeuvre littéraire de Cyrille et de Méthode d'après Constantin Kostenečki // Balkan Studies 14. 1973. P. 293–302. Ср.: Харалампиев И. Константин Костенечки и Григорий Цамблак за делото на Кирил Философ // Константин Кирил Философ. София, 1981. С. 188–197; Петков Г. Взгляд Константина Костенечского на литературный язык славянских народов // Paleobulgarica IV. 1980. №1. С. 92–99; Ангелов Б. Ст. Старобългарският книжовник Константин Костенечки за делото на Кирил и Методий // Ангелов Б. Старобългарско книжовно наследство. Т. I. София, 1983. С. 83–87. Совершенно очевидно, что Г. Петков неправильно понял мои положения в вышеуказанной статье и поэтому перетолковывает мое мнение (С. 95), говоря, что я недооцениваю вклад Кирилла в дело перевода.

Это известие может быть понято в свете одного из двух предположений: или византийцы выясняли, имеют ли славяне азбуку, и пришли к отрицательному заключению; или же они сами попытались составить азбуку для славян, но безуспешно. Первое предположение представляется менее вероятным, если принять во внимание, что двум императорам незачем было проявлять особый личный интерес по поводу заурядного внешнеполитического вопроса, сведения о котором должны были быть доступны любому государственному служащему. Кроме того, высказывание императора Михаила предполагает неудачу официального дознания, предпринятого по императорскому указу. Таким образом, мы приходим ко второму предположению, которое представляется более логичным с исторической точки зрения и потому вполне приемлемым. Огромный славянский мир, располагавшийся за северными границами империи, был важнейшим направлением для ее внешней политики, областью, где ее влияние могло в высочайшей степени усилиться через приобщение славян к основному благу культурного мира — письменности. Что приобщение это входило в планы империи, ясно видно из ответа Михаила на послание князя Ростислава, когда первый, как мы увидим, пишет что посылает ему в дар письменность, которая драгоценнее золота, серебра и драгоценных камней.

Значит, скорее всего, «славянский проект» империи начал приводиться в исполнение еще задолго до Кирилла и Мефодия, и сами они были только в подходящий момент к нему привлечены. То, что говорит Константин Костенечский о круге сотрудников Кирилла — опирается ли он на недошедшие до нас исторические сведения или высказывает свою личную точку зрения — в любом случае предлагает нам достаточно логичное объяснение. Могущественный византийский император, избирая из разных народов, признавших его самодержавную власть, подходящих людей с выдающимися качествами, собрал славяноязычных греков и славян, овладевших греческим языком, и поручил руководить ими высокопоставленному лицу из окружения патриарха, дипломату и филологу Кириллу. Итак, можно предположить, что существовал целый круг людей, трудившихся для осуществления этого

«славянского проекта». Но где же находилось место их деятельности и чем конкретно они занимались?

Возвращаясь к предшествующим обстоятельствам жизни Кирилла и Мефодия, следует остановиться на уходе двух братьев на гору Олимп в Вифинии, поскольку, вероятнее всего, там и была начата совместная подготовительная работа. В этой области, как уже было сказано выше, жили славяне, и вполне естественно, что подбор подходящих людей для руководимого Кириллом переводческого коллектива осуществлялся из их среды. Занятия Кирилла и Мефодия, связанные с книгами, о которых говорят составители их житий, должны быть истолкованы как первая попытка перевода священных текстов на славянский язык. Очевидно, существовала некая на скорую руку разработанная, но еще несовершенная азбука¹. Перед переводчиками была поставлена задача перевести Евангелие с греческого языка на славянский, для осуществления этого требовалось усовершенствовать языковое чутье людей, трудившихся под контролем ученого филолога Кирилла. Существуют два важных указания, подтверждающие предположение, что работа по осуществлению «славянского проекта» велась на Олимпе, которыми трудно пренебречь. Первое указание заключается в том, что составитель жития Мефодия (написанного в Моравии после 855 г.), говоря о Полихрониевом монастыре, месте монашеских трудов Мефодия, при указании годового дохода монастыря и численности монахов, использует настоящее время, а не совершенное или несовершенное прошедшее². Это вполне может быть косвенным свидетельством того, что на протяжении всего временного миссии Кирилла и Мефодия в Моравии (с 863 по 885 г., а возможно, и дольше) ближайшее окружение Мефодия поддерживало

¹ При помощи довольно убедительных доводов И. Дуйчев (*Дуйчев И.* Въпросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянска азбука през първата половина на IX в. // Известия на Института за българска история. Кн. 7. 1957. С. 241–263) доказывает свою точку зрения, что в Византии попытки создания славянской азбуки предпринимались задолго до ее создания Кириллом.

² БѢ МОНАСТЫРН... КМУЖЕ КСТЬ .Ѧ. СЪМѢРА; ... А ОТЕЦЪ ОБНАЕ .Ѧ. БѢ ННМЪ КСТЬ. (Житие Мефодия, гл. 4. *Лавров.* Материалы. С. 71; *Флоря.* Сказания. С. 96).

постоянную и непрерывную связь с исходным пунктом своей деятельности, то есть с Полихрониевым монастырем¹.

Второе и достаточно важное наблюдение, которое все еще не осмыслено достаточно глубоко, состоит в том, что в греческих словах, без перевода вошедших в старославянские тексты, наблюдается редукция согласных и некоторые другие фонологические особенности, которые, вместо того чтобы свидетельствовать о влиянии северных греческих произношений, как, вероятно, следовало ожидать, напротив того, отображают фонологические особенности греческого языка Малой Азии². Как иначе можно объяснить присутствие в старославянских текстах греческих народных слов малоазийского происхождения, если те, кто работал над этими переводами, не происходили сами из районов Малой Азии?

Итак, на основании этих данных естественно полагать, что центр, где сложился круг людей, на который была возложена подготовка «славянского проекта», находился на горе Олимп в Вифинии. И вероятнее всего, как уже ранее было отмечено, здесь и находилась та область, где Мефодий в былые времена состоял на государственной службе в достоинстве архонта, или комеса Опсикия³. Они трудились над переводом священных текстов с греческого языка на славянский, пользуясь при этом некоей черновой и находившейся в процессе постоянного усовершенствования азбукой. Отправляясь в хазарскую миссию, Кирилл мог взять с собой и бывшие у него недоработанные переводы Евангелия и Псалтири, поскольку знал, что в окрестностях Крыма ему может представиться удобный случай встретить людей из рода руссов, то есть тех, которые совсем недавно нападали на столицу. Таким образом, достаточно легко и логично можно объяснить его встречу с человеком, говорившим по-русски, которому Кирилл поспешил *показать* перевод и попытался *научить* читать. Этот эпизод в Крыму

¹ Об пребывании солунских братьев в Полихрониевом монастыре и их занятиях там с книгами см.: *Львов А.С.* О пребывании Константина Философа в монастыре Полихрон // Советское славяноведение 5. 1971. С. 80–86.

² Примеры таких заимствованных слов приводятся в статье: *Tachiaos А.-Е.* Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до моравской миссии // Константин-Кирил Философ. София, 1971. С. 285–293.

³ См.: *Tachiaos.* Some Controversial Points. P. 57–61.

непосредственно свидетельствует не о чем ином, как о стремлении людей, трудившихся под руководством Кирилла над осуществлением византийского «славянского проекта»¹, попытаться предварительно оценить результаты своей переводческой деятельности.

Исполнение просьбы, изложенной в послании Ростислава, привело к новой переработке славянской азбуки. На этот раз Кириллу удалось создать достаточно совершенный алфавит. Им были с полнейшей тщательностью учтены все фонетические особенности славянского языка. Если ранее, как сообщает болгарский писатель Храбр, славяне использовали черты и резы без какого-либо порядка, то теперь они получили азбуку, в которой наиболее полно передавались звуки их языка. Азбука эта была названа «глаголицей», или «глаголическим письмом»². Это название происходит от славянского слова «глагол». Написание букв этой азбуки весьма своеобразно, совсем не похоже ни на один из ныне известных алфавитов. Достаточно экзотический вид послужил основанием для множества теорий и споров относительно происхождения глаголицы³. Многие ученые, рассматривая по отдельности некоторые буквы, в которых ими усматривались определенные

¹ Ср.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 79; *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven and London, 1964. P. 345–353; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, 1956. С. 30–90; *Tachiaos.* Some Controversial Points. P. 61–71.

² См.: *Ягич В. И.* Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Под редакцией И. Ягича. СПб., 1911. С. 51–262. Ср.: *Илчев П.* Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. София, 1985. С. 491–509.

³ Много было написано о создании глаголического письма и его предполагаемой связи с другими древними алфавитами, а также о том, что глаголическое письмо предшествовало кириллическому (лишь меньшинство ученых соглашается сегодня с мнением, утверждающим противоположное, что первой была создана кириллица). Соответствующую библиографию об этом ученом споре см. в основных библиографических трудах: *Ильинский Г. А.* Опыт систематической Кирилло-Методиевской библиографии. София, 1934. С. 101–113; *Попруженко М., Романский С.* Кириллометодиевска библиография за 1934–1940. София, 1942. С. 69–74; *Можяева И. Е.* Библиография по кирилло-методиевской проблематике 1945–1974 гг. Москва, 1980. С. 87–98; *Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А.* Кирило-Методиевска библиография. С. 90–96. Ознакомительный обзор по этому вопросу находится в статье: *Echhardt T.* Theorien über den Ursprung der Glagolica // *Slovo* 13. 1963. S. 87–117.

подобия буквам других, известных нам алфавитов, делали попытки доказать происхождение глаголического письма от какого-либо из последних. Так, в свое время были опубликованы теории его происхождения от грузинского, еврейско-самарянского, сирийского и целого ряда других алфавитов и письмен, притом, впрочем, что ни одна из этих теорий не в состоянии дать удовлетворительного ответа на вопрос, каким образом и почему возник такой необычный алфавит.

Как составители житий Кирилла и Мефодия, так и другие старославянские источники отмечают, что Кирилл составил славянскую азбуку под непосредственным воздействием божественного откровения. Таким образом, она почти сразу же была признана богоданной, в противоположность алфавитам других народов, заимствованным у соседей или составленным на основе какого-либо существовавшего прежде алфавита. Мудрому Кириллу, действительно, удалось создать нечто новое, значительно отличавшееся от всего известного в ту эпоху. Выдающимся специалистом по русской палеографии Е.Э. Гранстрем была предложена теория, которая получила самое широкое научное признание и лишила смысла дальнейшее продолжение спора о происхождении глаголицы. Гранстрем доказала, что Кирилл, составляя славянскую азбуку, избирал для нее буквы из византийских криптографических алфавитов и из символов, употреблявшихся в магии, алхимии и других областях знания, находившихся так или иначе в поле зрения византийцев¹. Поскольку первая, довольно несовершенная славянская азбука была создана в эпоху императоров-иконоборцев, невозможно было ввести ее в данное время в Великой Моравии. Государство это все еще оставалось в церковной юрисдикции Рима, весьма ревностно относившегося к вопросам иконопочитания. Поэтому необходимо было создать для славян новую азбуку, непохожую на прежнюю; благодаря Кириллу она быстро приобрела совершенно оригинальные и даже экзотические черты².

¹ Гранстрем Е.Э. О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ 11. 1955. С. 300–313.

² Доверившись сведениям, заимствованным им из сомнительных источников XIII и XIV вв., Г.М. Прохоров возвращается к старой теории, в соответствии

Страница из Ассеманиева Евангелия. Ватиканская библиотека

Но помимо азбуки, труднейшим делом для людей, работавших под руководством Кирилла, было создание для славян книжного языка, поскольку он у них совершенно отсутствовал. У народа, не имевшего духовного и культурного просвещения и образования, в языке не хватало отвлеченных понятий. Именно их и подлежало создать на славянском языке, чтобы стала возможной передача

Обучение грамоте в школе. Фреска в церкви Святых Апостолов в Печской патриархии. Около 1300 г.

греческих понятий славянскими. Теперь переводчикам следовало решить эту непомерно трудную задачу. Только огромные знания и духовный опыт двух солунских братьев могли стать надежной основой для ее исполнения. Сотрудники-славяне предоставляли материал, проверяли его и старались избрать наиболее подходя-

с которой *глаголица* была создана в Фессалониках в VII в. легендарной личностью из Каппадокии по имени Кирилл. Первоисточником для новой азбуки этому никому неведомому Кириллу послужил коптский язык, из которого он будто бы заимствовал формы букв. См.: Прохоров Г.М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ 45. 1992. С. 178–199.

щий вариант, но окончательное суждение, несомненно, всегда оставалось за великим Кириллом, которому во всем помогал Мефодий. Для того чтобы слово Евангелия могло быть верно и точно передано на славянском языке, требовалось создать огромное множество отвлеченных существительных и прилагательных, а также составных слов, которых также почти не существовало в тогдашнем славянском языке. Эти слова и понятия строились непосредственно по образцам, предоставленным богатой греческой речью, которая на протяжении многих веков разрабатывалась учеными и деятелями культуры. Таким образом, из языковой сокровищницы греческого языка было взято несметное богатство и передано славянам как вневременный и вечный дар, навсегда наложивший печать своего присутствия на их язык. В свою очередь, сам славянский язык, несомненно от природы живой и гибкий, приобрел благодаря этому дару изумительную пластичность и подвижность, но одновременно и поразительную духовную глубину, сделавшую его уникальным и неповторимым органом выражения возвышенных идей. Следовательно, Кирилл не просто создал азбуку, но так преобразил славянский язык, что он смог вместить в себя понятийное богатство языка греческого. Это было нечто существенно более важное, чем всего лишь составление азбуки. Преображенный таким образом славянский язык послужил основой для создания совершенно самобытной и удивительно цельной славянской духовной культуры. Именно в этом и заключается суть всемирно исторической деятельности Кирилла и Мефодия. Помогая им в таком весьма непростом и достаточно кропотливом деле, их ученики и сотрудники из греков и славян, работавшие на малоазийской земле, пополнили славянский язык греческими словами, не поддававшимися переводу. В их творении наряду с фонетическими особенностями, свойственными Малой Азии, нашел свое выражение и греческий народный язык IX в.¹

¹ Основные работы по изучению вопроса о создании этого богатого лексикона, имеющего чисто греческое происхождение, следующие: *Jagić V.* Die slawischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie XX. 1898. S. 519–566; XXI. 1899. S. 28–43; *его же.* Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. S. 299–421; и далее: *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin-Wiesbaden, 1958;

Первой книгой, переведенной Кириллом на славянский язык, было Евангелие апракос, которое состояло из евангельских отрывков, предназначенных для чтения в храме. Книгу эту открывало его вступление, в нем выдающийся филолог изъяснял свой подход к переводу. К сожалению, от этого текста, который, по всей видимости, первоначально был написан на греческом языке, сохранился всего лишь один отрывок в старославянском переводе¹. Но даже по нему вполне можно уяснить себе цель, ради которой было написано вступление. В нем сообщалось о наиважнейшем начинании, первом в истории переводе Евангелия с греческого на славянский язык. Объяснение языковых и филологических особенностей этого труда предназначалось не столько для славян, сколько для имперских и патриарших властей, чтобы они поняли, каким образом такая богатая выразительными средствами речь могла быть переведена на простой и незатейливый еще славянский язык. Кирилл пишет: «Слова не были переданы слепо своими соответствиями. Потому что нам нужны были не [сами] эти слова и выражения, а их смысл. По этой причине, когда смысл на греческом и на славянском языках совпадал, мы передавали выражение тем же словом, но когда выражение было более пространное или приво-

Zett R. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altsorbische Periode // *Slavistische Forschungen* 9. Köln-Wien, 1970; *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices // *Slavistische Forschungen* 47. Köln-Wien, 1985. О греческих влияниях на синтаксис старославянского и древнерусского языков см.: Исследования по синтаксису старославянского языка / изд. *J. Kurz*. Прага, 1963; *Ходова К.* К вопросу о синтаксических грецизмах в древнерусском литературном языке // *Paleobulgarica* XI. 1987. № 4. С. 41–54.

¹ *Vaillant A.* La Préface de l'évangélaire vieux-slave // *RES* XXIV. 1948. P. 5–20. *Его же.* Textes vieux-slaves. Vol. I. P. 63–64; Vol. II. P. 52–54. В дискуссии по вопросу о первой книге, которую перевели с греческого на славянский язык солунские братья, и об ее объеме между некоторыми учеными еще нет единогласия. См.: *Жуковская Л.* Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // *Вопросы славянского языкознания*. 1963. № 7. С. 73–81. Ср.: *Темчин С.Ю.* Было ли краткоапракосное Евангелие первой славянской книгой, переведенной с греческого // *Исследования по славянскому историческому языкознанию*. М., 1993. С. 13–29.

дило к потере смысла, тогда, не теряя смысла, мы переводили его другим словом. Греческий в переводе на другой язык никогда не может быть передан одним и тем же способом, и это случается со всеми языками, на которые он переводится. Часто случается, что слово, изящное на одном языке, не таково на другом, и величественное на одном, не таково на другом, и имеющее важное значение на одном языке, не столь важно на другом... Поэтому, не представляется возможным всегда следовать греческому выражению, но то, что должно всегда сохраняться, это его смысл»¹. Вот какие объяснения давал Кирилл, приводя затем и примеры из обоих языков, чтобы показать значительную сложность этого дела и оправдать подход, примененный им в своей работе.

После соответствующих приготовлений весной 863 г. миссионеры отправились в Великую Моравию, взяв с собою подарки и послание императора Михаила III князю Ростиславу. Краткое изложение этого письма сохранилось в житии Кирилла. Михаил заверял Ростислава, что Бог, видя его веру, «сотворил и ныне в наши годы — объявив буквы для языка вашего — то, чего не было дано (никому) после первых времен, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так тебе послали того, кому Бог объявил *их*, мужа честного и благоговейного, книжника и философа. Прими же дар, ценнейший и больший всякого серебра, и золота, и драгоценных камней, и всего преходящего богатства»². Итак, дар, посылаемый Византией славянам, был неподвластен тлению времени и ввел их раз и навсегда в круг культурных народов вселенной.

¹ *Vaillant A. Textes vieux-slaves. Vol. I. P. 64.*

² Житие Кирилла, гл. 14. *Лавров. Материалы. С. 60; Флоря. Сказания. С. 87.*

Глава 6

Миссия в Великой Моравии и Паннонии

Византийские миссионеры были приняты в Моравии с великими почестями и незамедлительно принялись за дело. Князь Ростислав избрал кандидатов и повелел, чтобы солунские братья не только научили их славянскому письму, но и преподали им подобающее образование. Конечно, в определенном смысле Моравия была уже до некоторой степени духовно приуготовлена трудами немецкого духовенства, опередившего византийских миссионеров и все еще пребывавшего там. Миссия Кирилла и Мефодия заключалась в том, чтобы заменить латынь, на которой служилась литургия и велось преподавание, славянским языком. Житие Кирилла сообщает, что Кирилл прежде всего перевел церковные последования суточного круга, а также божественную литургию, и научил своих новых учеников чтению их: «И когда дошел до Моравии, принял Ростислав его с великою честью и, собрав учеников, отдал их ему учить. И вскоре перевел весь церковный чин и

Подпись к илл.: Вид на город Велеград в Моравии. На иллюстрации изображена церковь, имя которой Кирилка (Kyřilka).

научил их и утрени, и часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве...»¹. Это означает, что византийский устав и богослужебная практика сразу стали заменять соответствующие им латинские образцы, получившие распространение прежде². Такая перемена несомненно обусловила собою славянское духовное и вместе с тем культурное своеобразие. По свидетельству жития Мефодия, он и здесь был вторым лицом в миссии, то есть непосредственным помощником Кирилла, точно так же, как и во времена миссии в Крыму и среди хазар. Мефодий, таким образом, помогал переводить церковные книги и преподавать.

Несмотря на поддержку, предоставленную им князем, деятельность солунских братьев встретила в Моравии жесткое противодействие со стороны немецких миссионеров. В житиях общая характеристика этого противодействия сводится к двум основным

¹ БѢЖИМОУ ЖЕ БЫСЬ ЦРЬКОВНИНЪ УМНѢ ПРѢБЖИ, И НАУЧУИ А УТРЕНИИ, И ГОДНАМА, ОБЕДНѢ, И ВЕЧЕРНИИ, И ПАВѢУРННЦИ, И ГЛАННѢ СЛУЖБѢ. Житие Кирилла, гл. 15. Лавров. Материалы. С. 28; Флоря. Сказания. С. 86. Слова этой главы жития Кирилла и 5-й главы жития Мефодия позволяют понять, что Кириллом, сразу же после изобретения славянской азбуки, были переведены одни только евангельские чтения. Однако из процитированного выше места, а также из 15-й гл. жития Мефодия (что солунские братья перевели сначала «только Псалтырь, Евангелие с Апостолом и избранные церковные чинопоследования») ясно следует, что их переводческая деятельность приобрела значительно более обширный размах и, стало быть, они потратили на нее намного больше времени, чем указывают источники. Это усиливает нашу уверенность в том, что переводческие труды солунских братьев начались гораздо раньше, в рамках «славянского плана» империи.

² Подробности об этих последованиях и о Византийском уставе, введенном Кириллом и Мефодием в Моравии, см. в главе о распространении почитания Кирилла и Мефодия в Моравии и Паннонии в кн.: *Ταρνανίδης Ι. Πτυχές της σλαβικής Ορθοδοξίας. Θεσσαλονίκη*, 1991. Σ. 107–136, где приведена и соответствующая библиография. Ср.: *Θεοδώρου Ε. Τὸ ἔργον τῶν ἁγίων Κυρίλλου καὶ Μεθοδίου ἐξ ἐπόψεως λειτουργικῆς // Κυρίλλω καὶ Μεθοδίω* 2. Σ. 113–137. Посвященная этой теме статья М. Арранца (*Arranz M. La liturgie slave du IXe siècle d'après l'Euchologe slave du Sinaï // Международный симпозиум. Vol. II. P. 316–340*) достойна упоминания, хотя, к сожалению, автор не учел литургических материалов, находящихся в каталоге славянских рукописей горы Синай, составленном И. Тарнанидисом (*Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki*, 1988). Это упущение было исправлено М. Арранцем позже в его пространной статье: *La Liturgie de l'Euchologe slave du Sinaï // Christianity Among the Slavs. P. 15–74*.

Суд над Кириллом и Мефодием. Они, преклонив колени, стоят перед Христом, а два ангела со святыми Андреем и Климентом защищают их. Снимок с полуразрушенного настенного изображения XI в. в храме Святого Климента в Риме

пунктам. Во-первых, немецкое духовенство придерживалось некоторых устаревших космографических и антропологических воззрений, с которыми естественно не были согласны солунские братья. Во-вторых, — и это было намного опаснее, поскольку могло свести на нет все их труды — враждебно настроенное немецкое духовенство начало выдвигать теорию, появившуюся на Западе в VII в. и многими принятую. Согласно ей существует только три «священных» языка, на которых «может славиться имя Божие», — еврейский, греческий и латинский, поскольку на этих языках было выполнено надписание, которое Пилат повелел поместить на кресте Христовом. Учение о трех языках неоднократно осуждалось на Западных церковных соборах конца VIII в. и первых десятилетий IX в. По крайней мере, осуждено было запрещение употребления национальных языков в учебных целях¹; тем не менее учение это,

¹ Куев К.М. Триезичната ерес и делото на Кирил и Методий на фона на средновековието // Константин-Кирил Философ. С. 85–94. См. подробную статью: Thomson F. SS. Cyril and Methodius and a Mythical Western Heresy: Trilinguism. A Contribution to the Study of Patristic and Medieval Theories of Sacred Languages // AB 110. 1992. P. 67–122, где приведена исчерпывающая библиография по данному вопросу (P. 107–121).

несомненно, продолжали прилагать к жизни, ограничивая использование других языков в богослужении, а немецкие миссионеры придали ему второе дыхание. С точки зрения данного учения славянский язык ни в коей мере не мог рассматриваться «священным» и тем самым все труды солунских братьев оказывались излишними и даже вредными¹.

Противодействие немцев и их приверженцев не лишило византийскую миссию силы духа, потребной для того, чтобы продол-

Перенесение мощей святого Климента. Снимок с полуразрушенного настенного изображения XI в. в храме Святого Климента в Риме

жить и довести до конца свою деятельность. Значимость ее миссионерской деятельности немало возросла благодаря тому, что Кирилл и Мефодий взяли с собой в Моравию мощи святого Климента, обретенные ими в Крыму. На небольшом расстоянии в западном направлении от г. Велеград в Моравии (известного под

¹ О противодействии немецкого духовенства делу солунских братьев, в основном из-за введения ими византийского восточного литургического обряда в Моравии и Паннонии, см. подробно: *Ταρνανίδης. Πτυχές της σλαβικής Ορθοδοξίας*. Σ. 139–164.

более поздним названием Старе Место), находятся развалины храма, возведенного в IX в. и известного под названием Климентка. Несомненно, что этот храм был построен специально для пребывания в нем мощей святого Климента и был освящен в день его памяти 30 января. Так Моравия обрела свой собственный праздник, почитание памяти этого святого связывало ее и с Римом, и с Византией.

Юным ученикам прибывших в Моравию византийских наставников надлежало стать преемниками латинского духовенства и постепенно заменить его. Среди них с самого начала выделялся Горазд, которому в дальнейшем уготовано было важное место в жизни Церкви и просвещении Моравии. Эти ученики призваны были войти в состав клира, образовать новую духовную среду и подготовить почву для создания независимой Моравской Церкви. Возникновение моравского духовенства, совершавшего богослужения на славянском языке, должно было в немалой степени укрепить целостность и национальную независимость Моравии. В таком расположении ума солунские братья взяли с собой кандидатов для хиротонии и направились в Венецию. Но кто должен был их рукоположить? Это весьма спорный вопрос, на который трудно ответить сколько-нибудь внятно¹. Вероятнее всего, они думали, что рукополагать учеников должны в Венеции, хотя вполне можно предположить и то, что этот итальянский порт был всего лишь отправной точкой для путешествия по морю в Константинополь.

Кирилл, Мефодий и сопровождавшие их ученики покинули Моравию через сорок месяцев после прибытия византийской миссии в эту страну, согласно житию Кирилла, или же через три года, если следовать житию Мефодия. На протяжении этого времени были заложены основы славянского образования и созданы благоприятные возможности для замены латыни, употреблявшейся до тех пор в Церкви, на новый письменный язык.

¹ Различные мнения по этому поводу см.: *Dvornik. Les légendes*. P. 234–235; *Grivec. Konstantin und Method. S. 70–73*; *Duthilleul. L'évangélisation des Slaves*. P. 115–116.

Путь их в Венецию проходил через Паннонию, бывшую некогда провинцией древней Римской империи. В упоминаемую нами эпоху она охватывала обширную область, включавшую в себя западную часть нынешней Венгрии, Восточную Австрию и Словению. В середине IX в. она представляла собой независимое княжество, находившееся под властью Прибина, князя Нитры (в Восточной Словакии), изгнанного моравами. Преемником Прибина стал его сын Коцел, вступивший на княжение в 861 г.¹

Паннония по преимуществу населена была славянами. Столицей княжества был Мосабург (современный Залавар), город, расположенный неподалеку от большого Блатненского озера (совр. Балатон в Венгрии). В Паннонии того времени, по всей видимости, Церковь уже вполне сформировалась, поскольку в середине IX в. там было свыше 30 храмов, три из которых находились в столице княжества. Церковь Паннонии подчинялась архиепископу г. Зальцбурга, главою ее был протопресвитер. Духовенство, как и следовало ожидать, было немецким, и общее положение очень напоминало то, в котором пребывала Моравия перед миссией солунских братьев.

Немногословный составитель жития Мефодия вовсе не упоминает о посещении братьями Паннонии, тогда как в житии Кирилла содержится больше сведений. Там сказано, что во время путешествия через Паннонию их принял у себя ее князь, Коцел, который «очень возлюбил славянские буквы и научился (им), и дал ему до пятидесяти учеников, чтобы научились им»². Это свидетельство о пребывании солунских братьев в Паннонии и их трудах там, несмотря на краткость, весьма красноречиво. Оно со всей ясностью позволяет нам представить себе, как князь расспрашивает братьев об их деятельности в соседней Моравии и, выслушав обстоятельный рассказ, склоняется к тому, чтобы и в своем княжестве создать условия для развития образования на родном языке и приоб-

¹ О Паннонии см. подробные сведения в статьях на слово "Pannonia": *Wielowiejski J., Swoboda W. и Kalinowski L. // Lexicon Antiquitatum Slavicarum. Vol. IV. P. 20–28.*

² БѢЗДАНЪ БѢЛЫН СЛАВЕНСКѢ БУКВѢ Н НАУЧУНѢ НМѢ Н БѢДАБѢ ДО ПАТНДѢСѢТѢ ОУЧЕНИКѢ ОУЧУНѢСѢ НМѢ (Житие Кирилла, гл. 15. *Лавров. Материалы. С. 29; Флоря. Сказания. С. 88*).

речения Церковью независимости. Церковь, где совершалось бы богослужение на славянском языке, помогла бы Паннонии противостоять крепкому немецкому натиску и приблизила бы ее к единоплеменным славянам Моравии, а славянское образование, безусловно, способствовало бы возрастанию политической силы княжества. Пятидесяти учеников, упомянутых в житии Кирилла, вполне должно было хватить; такого количества священнослужителей было совершенно достаточно для того, чтобы богослужения в Паннонии совершались по-славянски.

Слова жития Кирилла, что князь Коцел «очень возлюбил славянские буквы», должны быть поняты более или менее буквально, они должны означать, что он восхитился славянской азбукой. Среди священнослужителей церковной провинции Зальцбурга в Паннонии были и славяне, которые уже предпринимали робкую начальную попытку перевести латинские церковные тексты на славянский язык. В баварском городе Фрайсинг найдены фрагменты рукописи, которые содержат две молитвы и увещание к исповеди, написанные латинскими буквами по старославянски, в них заметны особенности разговорного языка Словении¹. Они восходят к IX в. и по всей видимости отчасти связаны с трудами Кирилла и Мефодия в Паннонии. Эта рукопись исключительна в своем роде и не имеет аналогий ни в греческой, ни в славянской литературе. Письменность для славянского языка, которую употребляли в Паннонии, была латинской, и фрагменты рукописи, упомянутые нами, представляют собою остатки этой традиции. Вот отправная точка интереса, который Коцел проявил к новому письму, открытому Кириллом. Что удалось солунским миссионерам в Паннонии, становится ясно из латинского трактата «Обращение баварцев и карантанийцев» (*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*). В повествовании о Рихпальде, которого архиепископ Зальцбургский поставил протопресвитером в Паннонию, читаем: «Он пребывал там уже долгое время, осуществляя полномочия,

¹ Их критическое комментированное издание выполнено группой специалистов в томе: Freisinger Denkmäler. Literatur, Geschichte, Sprache Stilart, Texte, Bibliographie. München, 1968 (Geschichte, Kultur und Geisteswelt der Slowenen. Band II).

